

Валерий САМОДЕЛКИН

Зарницы

Валерий Самоделкин

Зарницы

Рассказы

Центральной Библиотеки
г. Кумертау о казахстанских
поисковиках
от автора
13.07.18

Кумертау, 2018

Самоделкин Валерий Петрович родился 8 марта 1950 года в селе Покровка Благовещенского района БАССР в семье служащих. В 1967 году окончил среднюю школу № 9 города Кумертау. До службы в ВМФ, куда был призван в 1968 году, работал на Кумертауском вертолётном заводе фрезеровщиком.

В 1972 году после демобилизации работал на Кумертауской ТЭЦ, затем по комсомольской путевке строил ТЭЦ, КамАЗ в городе Набережные Челны.

Диплом о высшем образовании получил в Уфимском авиационном институте в 1980 году.

С 2002 года по настоящее время работает в КФ УГАТУ в должности доцента кафедры «Технология производства летательных аппаратов».

В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Социология управления».

Имеет 28 научных трудов, из них две монографии. Его рассказы публикуются в газете «Кумертауское время» и многотиражке КумАПП «Рабочая жизнь».

Является членом городской писательской организации.

МИР ВАЛЕРИЯ САМОДЕЛКИНА

Написал эти слова и задумался, в самом деле, каков же мир этого высокого, пышущего здоровьем, несмотря на солидный возраст настоящего русского мужика? И чем отличается он от мира других среднестатистических мужчин нашего поколения, родившихся в 50-х годах прошлого века. Кажется, ничем. Школа, завод, служба в армии, вуз, завод... Многие из нас прошли в жизни примерно такой или подобный путь. Много пережито. С годами память об этих событиях тускнеет, а многое и забывается напрочь.

У Валерия Петровича не совсем так. Память о пережитых событиях пятидесяти-сорокалетней давности свежа, как будто они происходили только вчера. И это не самое главное. Он письменно умеет излагать их так интересно, что, начав читать его рассказы, трудно оторваться. А это уже называется писательским даром.

Кто он человек, обладающий писательским даром? Когда-то я для себя вывел такую достаточно наивную формулу: «Писатель тот, кто не потерял детской способности удивляться окружающему миру и умеющий своим удивлением удивлять других».

Вчера я взял в руки рукопись небольшой книги Валерия Самоделкина и сам толком не понял, как погрузился в его мир, в его чувства и ощущения в разных жизненных перипетиях. Появление семнадцатилетнего паренька на крупном предприятии в качестве ученика фрезеровщика, его сомнения, первый неудачный опыт, первая получившаяся деталь, гордость за неё. Уроки дяди Бориса...

В рассказах «Утро», «Развод» – флотская жизнь, привыкание под руководством «Железного Феликса», как про-

звали моряки заместителя командира части по строевой подготовке, к строгим законам и правилам военной службы.

Неожиданный поворот в судьбе морской части, где начал службу лирический герой рассказов. Вместо Балтики – Байконур, вместо соленой морской воды – пески Казахстана. Но моряки не тужат, они служат великому делу – вносят свой вклад в дело освоения Советским Союзом космического океана. Рассказы «Развод», «Патруль» описывают эти события.

Уроки, полученные у родителей, занимают особое место в рассказах. Мать главного героя, вернувшегося с военной службы, поставила на стол роскошное угощение. Никто другой не готовил такую выпечку – пышную, ароматную, вкусную. Почему у неё всё так замечательно получается? Она скромно отвечала: «Да никакого секрета здесь нет. Просто не нужно спешить, суетиться и делать всё с душой и молитвой. Вот и весь секрет...» Автор даёт понять, что урок матери пригодился ему не только в кулинарных делах. По жизни надо идти не спеша, без суеты, с душой и молитвой. Отношение автора к православным ценностям может быть, заложено было тогда, а может быть гораздо раньше.

В рассказах «Концерт в замерзшем зале» и «Костёр на берегу» затронута тема воспитания молодого поколения. Здесь, видимо, отразились впечатления автора, работавшего в своё время директором профессионально-технического училища. Не самые лучшие выпускники школ тогда поступали в профтех, но педагоги этих учебных заведений воспитывали из них настоящих трудяг, основу основ кадрового состава промышленности нашей страны.

Рассказы «Вечер вдвоём», «Уголёк счастья» посвящены теме любви. Любви все возрасты покорны. Автор

остаётся верен этой мысли и описывает возвышенные чувства не юных девчонок и мадьяшек, а переживания зрелых людей.

Пересказывать содержание книги – дело неблагодарное. Поэтому здесь я останавливаю свой обзор, и ещё раз беру на себя смелость утвердить: книга удалась. Я рад, что прикоснулся к этому миру – миру Валерия Самоделкина, и сделал для себя поучительные открытия.

Что касается сегодняшней жизни автора книги... Валерий Самоделкин – инженер по образованию, технарь по жизни. И его нынешняя деятельность – преподавание в вузе дисциплины, далёкой от литературы, как бы подтверждает эту мысль. Но в душе он всё равно остаётся романтиком. Не был бы им, не написал бы пронизанные лиризмом, а иногда лёгким юмором рассказы. Романтизм души, наверное, и привёл его к казачьему движению. Имея чин полковника казачьих войск, он успешно руководит казачьим сообществом нашего города. И ещё об одном таланте Валерия Петровича – о певческом мастерстве. Его прекрасный баритон украшает концерты и многие городские мероприятия. Так и хочется сказать: не стал бы доцентом авиационного университета – стал бы, возможно, солистом оперы или звездой российской эстрады.

Хвалы, кажется, достаточно. Но я знаю, излишняя хвала может испортить только юношу, мечтающего покорить мир. А для зрелого мужчины, надеюсь, послужит небольшим стимулом для дальнейшего движения в творчестве и художественного осмысления этой непростой, но интересной жизни.

Закир Акберов,
член Союза писателей РФ и РБ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Сборник своих рассказов я назвал «Зарницы». Почему я назвал свой сборник так странно? Сам себе задаю и отвечаю на этот вопрос.

В летние ночи над ночным горизонтом часто можно наблюдать яркие всполохи света, освещающие небо короткими вспышками. Иногда они следуют непрерывно, то угасая и вспыхивая вновь. В старину говорили, что зарницы к богатому урожаю хлеба. Колос наливался силой небесной энергии. Вероятно, это были далёкие грозы, звуки от которых не доходили до нас.

Часто в памяти людей воспоминания далёких, значимых событий возникают подобно всполохам далёких летних зарниц. Недаром ведь говорят «меня озарило». Это когда вдруг в сознании возникают образы людей, события, даты.

Последнее время меня часто посещают такие «зарницы», события далекой юности, молодости, встречи, разлуки с близкими людьми. В своих рассказах, я бы их назвал автобиографическими, романтично-лиричными, попытался осознать отдельные этапы жизни молодого человека во второй половине прошлого века.

Как себя помню, отец меня называл романтиком. Это он говорил с некоторым оттенком сожаления в голосе. Наверное, он был прав. Тянуло меня, то в небо, то в море, то на комсомольские стройки. Но отец был достаточно строг и крепко держал нас с братом в «узде». Прививал нам любовь к труду, уважение к старшим, честность. Воспитал в нас жизненную стойкость.

Первый свой рассказ «Начало», пожалуй, самый автобиографичный. События далёкого августа 1967 года помню до мелочей. После окончания средней школы началась новая

трудовая жизнь. Друзья, наставники, первая деталь, которую самостоятельно изготовил, первая зарплата. Всё впервые. И конечно благодарность тем людям, которые встретили меня в новой жизни, поддержали, дали возможность почувствовать себя равным в семье рабочего класса. Рабочая закалка, спорт позволили мне стойко перенести тяготы и лишения флотской службы.

Серию рассказов об отдельных событиях я опубликовал в сборнике рассказов «Тюльпаны и бескозырки». Несколько из них рискну ещё раз с некоторыми доработками повторно опубликовать. Строгая уставная дисциплина, ответственность за выполнение заданий, мужская дружба и конечно тоска по дому, родным очень хорошая «прививка» на всю оставшуюся жизнь.

Рассказ «Яблоня» я посвящаю своим родителям, великим труженикам, которые перенесли лишения голодного детства, людскую боль и горе войны, трудные, послевоенные годы. До конца своих дней они беспокоились и заботились о детях и внуках. Царство небесное вам любимые, родные наши...

Лирические эссе ложились в строки, думаю от потребности для каждого человека «люблённости, душевности, дружбы»...

Рассказ «Костер на берегу» немного грустный тем, что юность и старость на примере образов Кольки и Егорыча это философия человеческой жизни. Оба персонажа живут непростой жизнью, у старшего она подходит к концу с «непотухающим угольком» в сердце об утерянной любви, а у молодости – всё впереди. И радость от познания мира, новых встреч и потерь «всё у тебя Колька впереди».

Рассказ «Игра или банальная история» это небольшая драма тоже имеет место быть в нашей жизни. Люди, встречаясь и расставаясь, всегда оставляют след в своих судьбах и отклонения своих «орбит» от привычного ровного движения. Но и в этой истории есть тоже тёплый финал.

Рассказ «Концерт в замёршем зале» появился тоже не случайно. Основан он почти на реальных событиях холодного февральского вечера. Не буду называть имя руководителя этого замечательного, народного оркестра, но думаю, дорогой читатель, вы его узнали.

Хотел бы закончить свою исповедь тем, чтобы и вас дорогой читатель чаще посещали приятные вашему сердцу зарницы памяти.

С уважением Ваш Валерий Самоделкин «Петров».

НАЧАЛО...

Утренние лучи августовского солнца, скользя по стене солнечным зайчиком, сверкнули на лице спящего юноши, спеша разбудить его от сна. Но Валерка, так звали вчерашнего школьника, уже не спал. Предчувствия перемен в его жизни беспокойной мыслью не давали, как прежде, нежиться в постели. Он лежал с закрытыми глазами и представлял, как то его встретят на заводе в первый день его трудовой биографии.

Нахануне на инструктаже начальник отдела кадров завода седовласый, крепкого сложения мужчина, с орденами и планками на полувосенном френче беседовал с молодым пополнением заводчан, таких же мальчишек, окончивших десятилетку. Напутствовал ребят бывший фронтовик по-отечески строго. Особо говорил о дисциплине на производстве, о недопущении опозданий и прогулов на работу.

— Профессно, ребятки, осваивать как должно, не халтурить. Изделия, которые изготавливают на заводе очень ответственные. Завод наш оборонного значения. Поэтому дисциплина у нас на заводе строгая. Режим пропускной. В армии, когда вас призовут, на этой технике, возможно, придется служить в воздушно десантных войсках. Учились? Ребята вы грамотные. Как-никакая десятилетка за плечами. Определим вас в экспериментальный цех учениками станочников. А сейчас идите в бюро пропусков. Завтра в восемь получите пропуска. Вот вам направление, вас ждут в цехе. Сейчас позволю в цех, чтобы там вас встретили. С этими словами он взял телефонную трубку и набрал номер.

Утром, как было оговорено, в бюро пропусков им выдали небольшие картонные карточки в металлической

рамке с фотографией, фамилией и номером цеха. У каждого пропуска был свой индивидуальный номер.

На проходной старший караула объяснил им, как пройти в цех. На поясе караульного висела кобура с наганом. Ребята удивленно переглянулись.

– Настоящий пистолет? Или так игрушка?

– Конечно настоящий, ты разве не слышал, что завод-то оборонный, – так, переговариваясь между собой, ребята прошли на территорию завода.

Зайдя в корпус механического цеха, ребята слегка оторопели. Шум работающих станков, запахи машинного масла и металла, непонятные звуки то высокие, то низкие, наполнили цех, занимавший площадь равную футбольному полю.

Остановившись робкой стайкой в центральном пролёте цеха, они с интересом и удивлением всматривались в происходящее в цехе. Их поразило большое количество станков, за которыми сосредоточенно работали молодые ребята и не очень молодые люди.

За ближайшим к ним станком работала девушка, ловко орудуя разными рукоятками и штурвальчиками. Она была в защитных очках, синем рабочем халате и белой косыночке, из-под которой выбивалась прядь русых волос. Она приветливо им улыбнулась, стараясь перекрыть шум в цехе, весело обратилась к ним.

– Ну что застыли? Вы новенькие или так просто поглазеть пришли?

– Да нам бы к начальнику цеха. Как к нему пройти? Вот у нас направление к нему.

– Это Вам Сергей Иванович Старостин нужен, – ответила она.

– Вон там, в конце цеха его кабинет, – она махнула рукой в направлении, куда им следовало пройти.

Постучав в дверь с табличкой «Начальник цеха №20», ребята робко переступили через порог кабинета. Навстречу им из-за рабочего стола, заваленного различными бумагами и чертежами, вышел коренастый мужчина. Приветливо улыбаясь, он каждому пожал руку. Валеркина рука была не маленькая, но и она утонула в крепком мужском рукопожатии. Он даже чуть было не вскрикнул от боли, до того было сильным рукопожатие.

– Ну что, хлопцы? Значит к нам. Давно ждём вас. Рабочих рук не хватает. Так что раскачиваться времени нет. Закрешим вас за опытными наставниками станочниками. Они мастера своего дела, быстро из вас спецов сделают. Но вам не халтурить, не сачковать. Понятно?

– Понятно, – ещё робко, негромко, в разноречивой ответили ребята.

– Не понял? Понятно или не совсем понятно? – строго переспросил начальник.

– Всё понятно, Сергей Иванович – громко за всех ответил Валерка.

– Ну, раз понятно, пошли в цех.

– Вера, я в цех, на участки, – выходя, бросил он молодой дивчине, сидящей за столом, на котором стояла печатная машинка.

– Наверное, секретарша, – подумал Валерка.

– Ничего, симпатичная девчонка.

По цеху Сергей Иванович шёл не торопясь, хозяйски оглядывая цех. Молодое поколение пролетариата следом поспешало за ним. Подойдя к станку, большому токарному, за которым работал высокий крепкого телосложения мужчина с седыми висками на черной шевелюре, начальник окликнул токаря.

– Здорово Иван, принимай учеников, обучай их токарному делу, готовь себе смену. Хотя тебе ещё пахать да пахать.

— Ну, кто хочет стать классным токарем?

Сашка и Славка, с которыми Валерка проходил медицинскую комиссию и инструктаж, по школьному подняв руку радостно воскликнули

— Мы хотим. Можно?

Ну вот и ладно, оставайтесь и знакомьтесь.

— Иван, зайдёшь ко мне, познакомишься с документами и распоряжением о закреплении учеников. Ладно?

— Добро, Сергей Иванович, зайду.

— Ну что сынки, давайте знакомиться.

Валерка уже был немного знаком с токарным делом. В школьных мастерских был небольшой токарный станок. Учитель по труду иногда разрешал ему выполнять несложные работы на этом станке. Сверлильный станок тоже видел. А вот фрезерный станок он увидел впервые.

— Сергей Иванович, а можно мне на фрезерный, учеником.

— Ну отчего же! Конечно, можно!

Вот фрезеровщиков у нас как раз не достаёт.

— Они прошли на другой участок, где располагалась группа фрезерных станков. За одним из них, сосредоточенно управляя станком, трудился невысокого роста человек, который даже не оглянулся на них, продолжая работать.

— Как дела, Борис? — на ухо прокричал рабочему начальник цеха. Тот, не оборачиваясь и не отрывая взгляд от работающего инструмента и деталей, громко ответил:

— Нормально!

— Принимай, Борис, парня в ученики.

Тот, оглянувшись, скользнул безразличным взглядом по долговизой фигуре ученика. Отвернувшись, буркнул себе под нос: «Ладно, пусть учится, коль охота» и продолжил свою неторопливую работу.

Целый день Валерка простоял за спиной своего учителя, который даже не удосужил его взглядом. В обеденный перерыв Валерка встретил Славку и Сашку. Они наперебой расхваливали своего учителя

— Мировой дядька, хоть и старикан.

Тем старикам в ту пору было сорок с небольшим. Мужчины средних лет, прошедшие войну и хлебнувшие сполна лиха. Ровесники их отцов.

— А твой-то как? Учат чему-нибудь?

— Да нет! Мой всё молчит. Крутит себе рукоятки станка, а на меня ноль внимания. Наверное, я ошибся, что в фрезеровщики напросился, — со вздохом ответил им будущий фрезеровщик.

— Ладно, не горюй, тут говорят, волейбольная площадка есть рядом с цехом. Пошли, посмотрим.

Они вышли на территорию, за цех, где впрямь была волейбольная площадка с натянутой сеткой. Игра была в полном разгаре. Команды, как видно, были давно сыгранные, из разных цехов. Болельщики каждой команды бурно реагировали на удачную результативную подачу.

После обеденного перерыва Валерка был снова на своем посту, за спиной наставника и наблюдал за работой и действиями своего молчаливого учителя. Не просто безучастно стоял, а запоминал, как включается и выключается станок, какой рукояткой включается подача инструмента, как устанавливается деталь в приспособление. Он примечал, как Борис точными, выверенными движениями, в которых не было ни торопливости и суеты, управлял станком. Лезть с разговорами к угрюмому наставнику он не решался. Только тихо злился про себя, твердо решив мысленно:

— Всё равно никуда не уйду. Будешь учить, никуда не денешься!

Так в полном молчании прошёл первый день.

Дома за ужином родители расспрашивали Валерку:

– Как прошёл первый день, нравится ли работа, не устал ли, кто наставник, – и ещё много вопросов, на которые Валерка однозначно отвечал:

– Да нормально всё. Конечно, устал.

Попробуй целый день простоять на ногах, ничего не делая. Даже и присесть негде. Лучше уж физически работать, чем целый день столбом стоять, да ещё молча, грустно думал Валерка, ложась спать.

Следующий рабочий день молодого пролетариата был один к одному похож на первый. Только в конце смены Борис, смерив своего ученика испытывающим взглядом, сказал:

– Станок приberi от стружки и смажь. Сможешь? Щётка и маслёнка в тумбочке. – Передавая ключи от большого замка, висящего на металлической тумбочке, пошёл в курилку, на ходу разминая в пальцах папиросу Беломорканал.

В тумбочке на полках аккуратно лежали различные инструменты, настоящее сокровище по тем временам. Чего только там не было. Фрезы – от самых маленьких, в один-полтора миллиметра, до больших, дисковых и торцовых, разные мерители. На верхней полочке лежали полотенце и мыло в мыльнице. На отдельной полочке лежало несколько книжек. Во всем угадывался педантизм и аккуратность владельца этого богатства. Обрадованный и вдохновленный доверием Валерка аккуратно смел со станка стружку, протёр весь станок ветошью, стружку собрал в кучку, ближе к проходу. А как смазать станок, какие узлы? Тут ему на выручку поспешили его новые друзья:

– Направляющие смажь, балда. – Сашка взял масленку и тонкой масляной стружкой змейкой прошёлся по направляющим поверхностям стали станка. – Вот так надо. Нам дядя Ваня в первый же день объяснил, как и зачем нужно смазывать направляющие. Давай, Валерка, поторапливайся. На проходной ждем. Сегодня наш «Шахтер» товарищескую встречу проводит. Айда, поболеем за наших.

Подошел Борис, посмотрел на часы и как-то не очень весело произнес.

– На сегодня шабаш. Шкафчик в бытовке для рабочей одежды тебе выделили? Нет? Тогда в мой пока вешай. Завтра принеси рабочую одежду из дома. Со временем выдадут в цехе спецодежду ХБ.

– Дядя Боря, я у Вас в тумбочке книжку видел «Фрезерное дело». Можно почитать?

– Бери, для тебя принёс. Не потеряй, библиотечная. Разберешься поди, ты грамотный.

На третий день, подойдя на рабочее место, Валерка увидел, что до начала смены его наставник уже колдует у станка. Он рано приходил в цех и в отличие от других рабочих очень редко брался за костяшки домино. Это случилось, когда он был в хорошем расположении духа. Вот и сейчас. Заготовка уже была закреплена на станке и ровно в восемь включит он станок, предварительно выкурив «Беломорканал».

Валерка, подойдя к Борису, смущенно произнес: здравствуйте, дядя Боря, я опоздал?

– Да нет, до начала смены ещё минут пять, так что нормально.

– А, Вы, почему так рано приходите?

На что Борис ничего не ответил. Опять, как и прежде Валерка стоял столбом и наблюдал за выверенными дви-

жениями своего наставника. На этот раз обрабатывал плоскую деталь с зубьями. Обработанная поверхность металла ослепительно блестела под электрическим светом светильника, а фреза мерно урча, казалось, с аппетитом вгрызалась в заготовку, выплёвывая из своих резцов стружку. Работа была не сложная, но монотонная. Прежде чем приступить к следующему зубу, Борис откладывал определённый размер по мерительному устройству, и всё повторялось снова. От этой монотонности и ничего неделания Валерку стало клонить ко сну. Глаза сами по себе закрывались. Тут его окликнул прямо в ухо Борис

– Спишь, молодой, мне в контору надо сходить, а ты продолжай. Запомнишь как?

Валерка, очнувшись, растерялся и ляпнул:

– Да, дядя Боря, запомнил...

– Ну, я пошёл. Действуй.

Ученик растерянно посмотрел на удаляющуюся спину наставника, затем на инструмент, который оборот за оборотом продолжал срезать стружку с заготовки. Валерка прикинул, что до конца осталось нарезать всего несколько зубцов.

А как? Ведь ничего же не объяснил. Фреза уже вышла из заготовки, а он всё стоял и соображал, мысленно вспоминая движения и действия наставника. Он запомнил, на какое деление мерительного устройства перемещался инструмент, и каким рычагом выключается поперечная подача. Все так и сделал. Инструмент не заметил подмены и аккуратно выполнил команду.

– Получилось, – ликовал Валерка, так как фрезеровал самостоятельно первый в своей жизни зуб. Затем он исполнил следующий, затем ещё. Уже совсем освоился. Он гордо оглядывался по сторонам.

– Вот смотрите я уже сам один за станком. – Только он это подумал, как неосторожным движением включил рычаг подачи. Станок выполнил и эту команду, надрывно вгрызаясь зубьями фрезы в металл сразу на двух подачах. Сердце гулко забило в груди, лоб покрылся холодной испариной.

– Всё! Запорол деталь! – судорожно нажимая на красную кнопку отключения станка, со страхом подумал Валерка. Станок утомленно замер, закусив фрезой толстый слой металла. Озираясь по сторонам, недоученный фрезеровщик в ручную вывел фрезу за пределы детали и стал ждать... Он готов был разреваться за эту неудачу. Вся предыдущая работа за смену пошла насмарку.

– Брак! – зловещее слово давило виски. Хотелось стать маленьким и забиться куда-нибудь, чтобы никто тебя не видел. – Позор! – с первого самостоятельного шага так оконфузиться. Что скажет Борис? Да и Сашка со Славкой засмеют.

Вскоре вернулся Борис.

– Дядя Боря, вот что я натворил, запорол деталь, – гляди в сторону, горестно вздыхая, со слезами на глазах пробормотал Валерка.

Борис, молча включил станок и отмерив положенный размер, прошёлся фрезой по испорченному зубу. Однако в конце сечения зуба был явно виден лишний срез.

– Продолжай, – хмуро произнес Борис.

– Ну как же так, дядя Боря, ведь брак же, как такую деталь на контроль сдавать.

– Продолжай, говорю, из неё не стрелять.

Последние несколько зубцов на этой рейке Валерка выполнил самостоятельно. Бориса рядом не было.

– Наверное, пошёл докладывать начальнику, – невесело подумал он, объясняя отсутствие своего наставника.

И всё же никак не мог успокоиться. На душе скребли кошки.

— Как же такая деталь с браком пойдёт на сборку? — В этот период цех был загружен серьёзной работой по изготовлению опытных образцов нестандартного оборудования, а повторяющихся деталей было мало.

Горестно вздыхая, Валерка прибрал и смазал станок. Настроение было такое, хоть топись. Подошёл Борис. Положа руку на плечо своему подопечному, сказал:

— Пошли, пройдемся.

Выйдя из цеха, Валерка подумал:

— Наверное, бить будет. Ну ладно, заслужил. Такую деталь загубил. Да и он тоже хорош. Хоть бы словом обмолвился, объяснил. Что язык бы отвалился? Молчун!

Зашли на литейный двор, где делали формы для отливок из металла. Борис поздоровался с литейщиком, который был в громадной войлочной шляпе, сукоинных штанах и куртке. Из открытых газовых печей вырывались рыжие вихри пламени.

— Ну и жара здесь, — подумалось Валерке. — А они ещё в такой робе.

— Это чтоб брызги металла на тело не попали, да и не жарко в ней, — угадывая Валеркины мысли, проговорил бородатый литейщик.

Они подошли к конструкции из металлического профиля с огромным колесом похожим на корабельный штурвал. В этой конструкции Валерка увидел две детали с зубьями очень похожими на ту, которую он только что делал. Тут Борис впервые улыбнулся.

— Ну, я же говорил тебе, что из неё же не стрелять. Вот видишь там, где на нашей рейке испорченный зуб, вскрываются отверстия для крещений. Так что никакого брака нет. Ну а ты в будущем будь внимательнее, не суеться

во время работы. Наша работа требует терпения и внимания, ну а опыт со временем придёт, только нужно любить свою работу. Понял?

— Понял, дядя Боря, очень понял, — радостно и облегченно ответил Валерка.

— А что это за конструкция такая?

Семёныч, дружелюбно улыбаясь, пробасил:

— Это, сынок, станок для разливки жидкого металла в формы. Большое облегчение в нашем деле. Очень нужная вещь. А ты учись у Бориса, у него есть чему поучиться. Это я тебе говорю. Мы с ним вот уже почитай годков десять вместе на заводе.

Этот случай Валерка запомнил на всю свою жизнь. С Борисом наладились хорошие отношения. Он не только поделился шкафчиком в бытовке, но и выделил в своей тумбочке и отложил на Валеркины полки, часть своих инструментов, коротко проговорив:

— Пользуйся.

Через три месяца друзья сдали, сразу минуя второй разряд на третий. А через пару месяцев самостоятельной работы. За Валеркой закрепили ученика, которого звали Борис. Так и смеялись. Валерку учил Борис старший, а Валерка учит Бориса молодого.

Потом была служба в ВМФ, учёба и вернулся на завод через много лет уже не Валерка-школьник, а инженер Валерий Петрович. Со своим учителем Валерка уже больше никогда не встречался. Болезни, лишения военных лет сказались на его здоровье. Он рано ушёл из жизни. Но оставил после себя не один десяток парней, передав им свое ремесло. По большому счёту учил их жизни. Люди того поколения такими же семнадцатилетними мальчишками, проходили горнило Великой Отечественной войны и выжившие знали цену жизни. Потому что их, молодых

солдат, порой заслоняли от пуль мужчины старшего возраста. И они, так думается, той же мерой отдавали свой долг нам, в начале нашего жизненного пути. Не ломая наши души, а каким-то внутренним, человеческим, педагогическим чутьем без лишних слов, угадывали те приёмы и методы обучения и воспитания, которыми не только учили нас мастерству, но и ещё учили порядочности, честности, стойкости.

Только сейчас Валерка понял, почему был немногословен Борис, почему именно в тот момент, а не раньше и не позже. Он дал ему возможность самостоятельно принять решение, не потеряв веру в себя, не опустить руки, не пасовать перед трудностями. Всё это потом ему пригодилось во взрослой жизни.

Спасибо, Борис!

ЭВАКУАЦИЯ

На вечерней поверке дежурный по войсковой части старший лейтенант Дайнеко объявил: «Завтра утром в четыре ноль-ноль начало эвакуации. Район эвакуации нашего подразделения – квадрат «Н». Екнуло сердце. Эвакуация?! Слово какое-то тяжелое, военное, строгое. Вспомнились кинофильмы, которые мы смотрели в детстве, где гражданские и военные люди грузили на платформы оборудование с заводов, сжигали секретные бумаги. Люди шли со скарбом по пыльным дорогам войны в тыл.

Для нас, нескольких матросов-первогодков, прибывших по окончании морских учёбок, школ и отрядов в командировку на спецработы в южные казахстанские степи, это была первая эвакуация. Ночью спалось плохо, беспо-

койно ворочался не только я. Рядом со мной тяжело вздыхал и сопел Вова Пругло. Мы с ним «земляки-кронштадтцы», из одного учебного отряда электромеханической школы. Кстати, эту ЭМШу заканчивал герой гражданской войны матрос Железняк.

Не спится. Очень хочется домой. Вот уже почти месяц как мы здесь, а писем из дома нет. Наверное, эта задержка всё же связана с нашими «мытарствами» в дороге. Завезли, чёрт знает куда. Мои кореша по учебке, Саша и Витя, на флотах Северном и Каспийском, наверное, уже опиваются компотом. А тут... Ну и жара же здесь, не жара а жарница! Пекло, одним словом. Пить хочется всегда: пил бы, пил и пил. А в итоге всё выходит потом. Потеем, значит. Утешил старшина: «Мертвые не потеют, терпите, салаги¹. Нас, салаг, приучают к зелёному чаю. У каждого на поясе солдатская фляжка с горячим зелёным чаем, который утром получаем в столовой. Пить воды много нельзя, иначе произойдет обессоливание организма. Ну вот, и терпишь, аж зубы ломит, язык шершавый, так и хочется его высунуть, как пёс, и дремать. Деды² нас утешают:

– Ничего, это ещё не жара, степь ещё не порьжела, значит, ещё весна.

Ничего себе, весна-красна, на солнце взглянуть невозможно. Достает солнышко северного человека. Интересно, а как южным людям на севере служится? Сон взял своё. Снилось непонятно что. ...Идём мы караваном по пескам с бархана на бархан к морю – там вода, там прохлада. Кто-то кричит:

– Вода, вода, вода, подъём, подъём!

¹ Салага – служащий первого года.

² Дед – старослужащий, готовящийся к демобилизации (служба на флоте длится три года)

Утро, четыре часа. За окнами ещё темно. Через пять минут уже все в строю с противогазами. Общее построение, доклад командиру. Мы, сонные, позевываем и поживаемся от утренней прохлады. Ну что за климат?! Днём жара стоит несусветная, за ночь всё остывает. Климат резко континентальный. Ничего себе, юг называется.

Да, огромная всё же наша страна! От пустынь и полупустынь на юге до Заполярья вечной мерзлоты на севере. И мы призваны, всё это беречь и охранять на одной шестой части земной суши. А сколько морей и океанов омывают берега нашей Родины!

На востоке начинает алеть горизонт. Солнышко выползает из-за кромки горизонта, как бы лениво высвобождая лучи из-под степного одеяла, а затем, медленно выкатываясь на горизонт, начинает поливать теплом и светом округу. Завораживающая картина. Восход и закат солнца в степи, можно сказать, первозданная красота. Это в горах и холмистой местности солнце выходит из-за гор, уже окончательно проснувшись, а здесь оно с ленью просыпается, зато уж днём отработает на славу, мало не покажется.

Мы уходим по бетонированной дороге мимо стартовой площадки, корпусов МИК¹ в степь, в квадрат «Н». Оказывается, в этой полупустыне во всю кипит жизнь. Вдалеке, завидев нас, пыля, скрылась стайка пустынных антилоп-сайгаков. В небе поют птицы. Поутру ещё не так жарко. Вся природа радуется и ликует. Конец весны.

С бетонной дороги мы сошли в степь, идём по песчаннику, на котором растут зеленеющие кустики. Высохнув в летнюю жару, они превратятся в тугие, жесткие кусты перекати-поля. Вдруг из-под ног выскакивает варанчик.

¹МИК – монтажно-инженерный корпус

Сердито оглянувшись, как бы говоря: «Зачем побеспокоили?», он тут же ныряет в песок.

Но что это? Перед нами появляются небольшие жёлтые, красные цветные полянки. Вот это да, тюльпаны! Не садовые, конечно, не голландские, но настоящие. Небольшие тюльпанчики на очень коротких стебельках. Руки так и тянутся, чтобы погладить этот цветной коврик. Но окрик каплей² Диденко останавливает:

– Ни чешай, бо цапнет.

Кто цапнет? Оказывается, в этих оазисах из тюльпанов могут прятаться скорпионы, фаланги и даже змеи, так называемые стрелки. В общем, по весне в степи всякой живности хватает. Осторожно мы обходим эти цветные полянки, продолжая углубляться в степь. То тут, то там валяются искореженные обгорелые куски и обломки белого металла. Это останки неудачно запущенных и упавших в степь ракет и отстыковавшихся ступеней. Подумалось: «Вот бы пионеров сюда. План по сбору металлолома не одна школа бы перевыполнила». Да! Мы идём по космодрому Байконур в степь в квадрат «Н», подальше от стартового комплекса, а за нашей колонной пыль, пыль, пыль. Солнце поднимается всё выше, становится жарко. В этом районе в радиусе нескольких сотен километров нет признаков человеческого жилья.

Поступила команда: «Вольно! Разойдись!»). Значит, мы в квадрате «Н». Можно перекурить и хлебнуть зелёного чайку из фляжки. И ещё полюбоваться такими необычными степными тюльпанами.

Наш командир капитан второго ранга Левин нервно поглядывает на часы. Скоро пуск. Завтра в газетах прочтем: «В Советском Союзе произведён запуск искусст-

²Каплей – воинское звание морского офицера (капитан-лейтенант)

венного спутника Земли «Космос». Это результат нашей работы. Не только нашей, но и огромного числа людей в институтах, лабораториях и заводах. Издалека виден стартовый комплекс, над которым клубится белый дымок — это окислитель, жидкий кислород и жёлтые рваные клубы ракетного топлива. Это значит, что идёт заправка ракеты и подготовка её к пуску. Неспроста ракетоноситель назван «Восходом». Наверное, всё же в честь красоты восходящего в степи солнца.

Кажется, что даже воздух наполнен ожиданием. Все притихли и сосредоточено смотрят в сторону старта, только птицы в небе заливаются, радуясь утреннему солнышку. Но вот над стартовым комплексом появились яркая вспышка и клубы алого и белого дыма. Медленно, усиливаясь и нарастая, как звук приближающегося локомотива, до нас доносится грохот, а затем тугая горячая волна воздуха ударяет в нас. В небе мы видим огненный хвост, который, загибаясь к горизонту, стремительно уносит от нас корабль с нашим изделием «икс». На ярко-голубом небе неожиданно возникает крест — это из четырех симметрично расположенных клапозов ракетных двигателей вырывается пламя, создавая реактивную тягу. Красотища, аж дух захватило. Пошла! Ура! Всех охватывает восторг. Даже тех офицеров и старослужащих, для которых пуски и эвакуации обычное дело. Вот уже далеко в небе видна только большая яркая звезда, затем — вспышка: это отделилась первая ступень ракетоносителя и белой неровной строчкой заскользила к горизонту. Вторая ступень должна отстрелиться где-то уже на околоземной орбите, разогнав корабль до первой космической скорости.

«Здесь в космос уходили корабли, отстыковав своих шаров швартовы...» Эти слова — самодеятельной песни

очень точно характеризуют те чувства, которые переполняли нас в тот миг.

Пуск был удачным. Наше изделие в космосе. А значит, мы отлично выполнили боевую задачу. Теперь дело за спечами, которые будут вести наше «зернышко» вокруг земного шара. Оно будет ещё долгое время трудиться, обеспечивая мир и стабильность на Земле.

Пуски не всегда бывают удачными. В истории Байконура случались трагические события. Ракеты взрывались на стартовом столе, уничтожая стартовые комплексы, унося жизни людей. Но эти страницы из истории космодрома оставались тайной.

Мы с Димычем* все же решили рискнуть и собрать немного тюльпанов. Осторожно раздвигая тоненькие стельки, опасаясь (а вдруг и вправду кто-нибудь цапнет), мы собирали жёлтые, красные и лиловые ны в бескозырки. Подали команду «На построение!». Возвращаемся тем же маршрутом в расположение части. Старшие офицеры укатили в командирском Уазике, а мы с песней «Прощание славянки» двинули походным маршем через степь.

Боевой у нас всё же старшина, мичман Никитин! Только мы вышли на бетонку как он рывкнул:

— Газы! Надеть противогазы!

Мы обалдели. Откуда газы-то? Воздух чистый, небо голубое, жаворонок в небе заливается, солнышко вовсю светит — благо-

*Димыч — Владимир Дмитриев.

дать! Но если будешь рассуждать, точно два наряда получишь вне очереди. Любим** и Димыч уже в противогазах. Рядом пыхтит Вова Пругло, натягивая на своё «широкоплечее» лицо противогаз номер три. «Бегом, марш!» – ревет Никитин. Бежим. Воздуха не хватает. Так и хочется сорвать противогаз и вдохнуть полной грудью. Стекла противогаза запотели. Впереди маячат спины с синими гюйсами¹. Оглядываюсь – я не последний, рядом Димыч и Любим, за нами Вова Пругло. Где-то далеко сзади ковыляет Валера Горбатов. Кажется, не остаётся ни капли сил, но вот открывается второе дыхание. Пот заливает и щиплет глаза. Голландка² противно пропиталась, потом и парит под палящим знойным солнцем, которому мы так радовались на восходе – сейчас оно ненавистно. Тупо бежим, не обгоняя передних и стараясь не отстать. В висках стучат молотки. Одно желание – пить. Никитин, как ни в чем не бывало, бежит рядом. Конечно, он привычный, прокоптился тут за два года – сухой, как карагач. Слышим команду: «Вспышка справа!» Плюхаемся на обочину мордой в песок. Лежим, выставив потные спины и задy плящему солнцу, радуясь случайной передышке. «Отбой!» Вставать не хочется. Так бы и лежал. Сердце готово выскочить из груди. «Уф!» – сорвал противогаз и захлебнулся свежим воздухом: – «Благодать!» Не позавидуешь пехоте. Они такие марш-броски в полной боевой выкладке совершают довольно часто. Ну, а для нас, «интеллигенции», это для того чтобы, служба «мёдом» не казалась. Смотрим друг на друга и покатываемся со смеху. Видок, скажу вам, не совсем бравый. Как воробьи, побывавшие в

лапах у кошки. Взъерошенные, потные, лица красные, со следами от резины противогазов. Валерка Любимов хитро улыбается. Пока бежали, он гофрированный шланг открутил от банки противогаза. Хорошо, что Никитин этого не заметил, а то хитрость его вышла бы всем боком, пришлось бы марш-бросок повторить. Правильно, один за всех и все за одного. И тут же грянуло: «Строимся и продолжаем движение. Запевай!»:

Прощай, не горюй,

Напрасно слёз не лей,

Лишь крепче поцелуй,

Когда сойдём мы с кораблей.

Великое дело песня в строю! Усталости как не бывало. Походным маршем двигаемся в столовую, там нас ждёт вполне праздничный обед. На десерт даже печенье и конфеты. Гуляй, братва! Ну, а тюльпаны? Зря мы их сорвали, не выдержали они марш-броска. Красивые нежные бутончики превратились в жухлую траву, оставив в бескозырках нежный, еле уловимый запах свежести.

УТРО

Этот день начался как обычно. Команда дневального «Подъ-ё-ё-ём!», ставшая настолько привычным за эти годы, воспринялась как жужжание надоедливой осенней мухи ранним утром: всё равно не отстанет, пока не начнёшь двигаться.

Любим уже стоял в проходе между двухъярусными койками и зло скалился, натягивая голландку на голое те-

** Любим – Валерий Любимов.

¹ Гюйс – матросский воротник синего цвета с тремя белыми полосками по краям.

² Голландка – рабочая рубашка из хлопчатобумажной ткани, носится на выпуск.

ло. Не любит он голый торец¹ подставляться под февральский южный ветерок, припудренный казахстанским песочком. А кто любит?

Другой Валерка, (кстати, популярное было в то время имя, почти как Юрка. Меня тоже зовут Валерка, так меня родители нарекли в честь Валерия Чкалова и поэтому всю жизнь я грезил авиацией) спал вообще, не раздеваясь, чтобы утром зря время не тратить на одевание. Мне было дано комсомольское поручение его воспитывать, и сделать из него настоящего моремана. Папаша его, военная шишка, каким-то образом, минуя учёбку², его в нашу морскую часть оформил, чтобы мы его человеком сделали. Ну как, скажите на милость, можно из такого типа сделать человека, да ещё моремана, да ещё тут в южной казахстанской степи, где до местной речки Сырдарьи верст триста будет?

Вот вспомнил Горбатого, и тоскливо стало за свой так и не выполненный комсомольский долг. Ребята меня успокаивали, мол, не переживай, Сэм³, Горбатого могила исправит. Но я всё равно старался.

Вот и сейчас этот скотина даже не шелохнулся на голос дневального. Спит, посапывает в обе дырочки спокойненько, как младенец. Бужу его привычным способом. Сюю под бок кулаком и ору: «Горбатов, подъём!». Он, не переворачиваясь, натягивает одеяло себе на голову и дрыгает в меня ногой. Это меня бесит. Стаскиваю его за ноги и ставлю, а он ещё спит, уже стоя. Кстати, спать стоя мы многие умели не хуже Горбатого. Даже когда идёшь в строю в эвакуацию, можно на ходу подремать.

¹ Торец — обнаженный торс, форма одежды на зарядку.

² Учебка — учебная часть, где в течение полугода готовят младших командиров или специалистов для флота.

³ Сэм — автор рассказов, так коротко его звали друзья.

Братва выбегает на зарядку и строится на плацу под ещё не проснувшимся степным небом, на котором тают редкие звёзды. Мишман Никитин, мой земляк из Уфы, орет нам:

— Что вы там телитесь? Живее! Выходи строиться!

Вытаскиваю из-под подушки вонючие горбатовские воски, сую ему под нос и волоку его к выходу. Он сопротивляется и мычит: «А где боты?». Значит, проснулся, зараза. Сует на босую ногу военно-морские гады⁴, растоптанные не одним поколением бойцов. Рысцой поспешаем к выходу. Всё! Мы на плацу.

Зарядка проходит привычно, заводя тело в тугую пружину. Даже Горбатов повисел на турнике и тотчас, куда-то провалился. Ну, конечно, уже у обреза⁵ стрельнул бычок⁶ и, прикурив, всасывает его, по-негретянски толстыми губами, обжигая пальцы с обгрызенными ногтями. Бежим в казарму. Кстати, на флоте, будь то на корабле или на суше, личный состав все перемещения делает бегом. Тут уж не до Горбатого.

Освобожденные после ночи от заспанных тел и проветренные дневальными кубрики, быстро наполняются утренней суетой. До проверки и осмотра нужно многое успеть сделать. Сначала умывальник. Разогретое после зарядки тело просит ледяной воды, которая обжигает и бодрит. Ох! Здорово! Любим и Димыч, мои годки⁷, уже здесь, поливают водой из ладоней друг другу на спину и визжат от восторга. Теперь займёмся Горбатовым. Он приплёлся из курилки, кружит возле тумбочки и уже, змей⁸, что-то жует.

⁴ Гады — кожаные ботинки без носков.

⁵ Обрез — обрезанная бочка с водой в курилке.

⁶ Бычок — окурок сигареты.

⁷ Годки — служащие одного призыва.

⁸ Змей — неласковое обращение к товарищу.

– Умываться! – ору ему.

Ну и фигурка у нашего Валерика, я вам скажу! Мультфильм про сурка и хомячка видели? Ну вот, сурок – это наш Валера, копия. Длинный, плеч почти нет. Животик как футбольный мяч, туда спокойно вмещается бочковая порция макарон «по-флотски» рассчитанная на десятерых бойцов и ещё сверху заливается компотом. Любимый наряд Валеры на службу – это наряд на камбуз⁵, можно даже вне очереди. Для него это курорт, понятно почему. Суворовский завет «Держи брюхо в голоде» – не про него. С заправкой постели справились довольно быстро. Мой подшефный уже владел навыками, как ровнять края койки по шкентелю⁶, как сделать кубик из подушки, выставить банку⁷, сложить полотенце и прибраться в рундуке. Но гнойс опять спрятал в карман: говорит – сопрут. Как жеванный, ладно хоть стираный. Пошли гладить, ещё успеем до утреннего осмотра. «А где белый чехол на беску⁸? Ты что, им ботинки драил?». Он отвечает: «Я им только лицо вытер, пыльно же». «Какое это лицо? – говорю. – «Это морда немывая».

Вот такой ежеутренний наш диалог, как молитва или заклинание на целый день. Достаю свой запасной чистый чехол, натягиваю на его беску, похожую на осенний лопух, и даю ему по башке. Все, в строй, на утренний осмотр! Мичман Никитин в этом деле строг. После завтрака к приезду офицеров в расположение подразделения на развод всё должно блестеть и всё должны быть готовы к спецработам и учёбе. «Опять у Горбатого задники ботинок не чищены. Бегом чистить!» Старшины смен, расче-

⁵ Камбуз – столовая.

⁶ Шкентель – дашная бечка.

⁷ Банка – табурет на флотском сленге.

⁸ Беска – бескушарка.

тов докладывают, кто в наряде, кто на смене, кто отдыхает после смены, кто в санчасти.

На завтрак с песней. Валера расцветает: «Скоро завтрак, хлеб с маслом, каша и какао». Мы весело и одобрительно смеёмся. Хорошо, всё по распорядку. Пока думать ни о чём не надо. Через час работа, там придётся думать. Хорошо, что там со мной не будет Горбатого. До техники его допускать – это вам не макароны продувать¹.

РАЗВОД

Первым прибыл в распоряжение команды капитан третьего ранга Бахарев. Замечательный командир. Это про него профессор Харасов сочинил на мотив песни «Московские окна»: «Здесь живут мои друзья, папа Бахарев и я, а кругом песчаная земля». Харасов – москвич, не зря мы зовём его профессором, у него всегда на всё своё мнение, светлая голова, и к тому же он прекрасно играл на гитаре и пел. Похоже, даже сам сочинял, хотя это и не афишировал. Но почему-то те песни, вот уже по прошествии многих лет, я помню до сих пор: «У дельфина спина черная, у неё глаза... были синие, а морская волна зелёная, и мечту она унесла с собой». Представляете, в казахстанской степи эти песни – о море, дружбе и любви?

На космодром Байконур собрали почти со всех флотов и морских учёбок Союза здоровых, крепких, неглупых ребят, не спрашивая нашего согласия. Наверное, так нужно было стране. По началу нас, мальчишек семидесятых, когда мы туда прибыли, это озадачило и немного огорчило. Как же так? Из нас готовили классных специалистов флота морей и океанов, а тут...

¹ Макароны продувать – матросские приколы.

Но эта нервозность длилась лишь в первые несколько дней. Да-а-а-а... Здесь мы узнали, что такое вкус воды, что дружбе флотской, братцы, нет цены. Через несколько дней мы были распределены по командам и расчетам. Наш командир расчета двигательных установок, старший лейтенант Захарченко, очень интеллигентный молодой человек, с виду был похож на начинающего школьного учителя. Мы с ним скоро подружились, он умел понимать нас. Конечно, не сюсюкал с нами, но был справедлив. Когда нас привели на объект и показали «изделие», мы слегка обалдели и разволновались. Мама моя! Вот это техника! Фантастика, какая-то! Скажи кому, что ты это не только видел, но ещё и готовил и обслуживал, тебе не поверят и засмеют. И началось! Учёба, работа, пуски, эвакуации, наряды, караулы, патрули. В общем, служба в ВМФ.

Занимались с нами отцы командиры, капитан-лейтенанты Дьяченко, Примаков, Диденко и многие другие. «Забудь про насос забортной воды, забудь устройство турбины и питательного насоса, забудь про пиллерс и про компинке, тут тебе не там, тут тебе здесь! Вы служите космическому флоту Союза!»

«Здесь в космос уходили корабли, отстыковав своих шаров швартовы...» Уже не помню, чьи это слова, но они тоже очень плотно сидят в моей, уже поседевшей, голове до сих пор.

Развод начался как обычно – с команды и приветствия.

– Команда! Равняйся! Смирно! Равнение на среднюю!
Товарищ капитан второго ранга, за прошедшие сутки на вверенном нам объекте происшествий не произошло. Дежурный по команде старший лейтенант Дайнеко!

- Здравствуйте, товарищи военные моряки!
- Здравия желаем, товарищ капитан второго ранга!
- Команда! Вольно!

Это всё происходило зычно, сочными мужскими голосами. Казалось, что в морозном воздухе эти команды как бы зависали. Даже Горбатов подтягивал свой «фонарик» (так называли мы его большое пузо) и косил глаза на середину строя. Начинался развод на работу. Дежурный офицер зачитывал приказ. Ура, наш расчет сегодня на профилактические работы на изделие. Старлей¹ Захарченко строго взглянул в нашу сторону, «Не расслабляться!». Мой годок Вовка Пругло, (мы с ним балтийцы из одной учебки – электромеханической школы в городе Кронштадте), стоит в строю за моей спиной и тяжело вздыхает. Ему в суточный наряд караульной службы, тянуть ляжку четыре через четыре. Четыре часа на посту части и на объекте, затем четыре часа бодрствовать, а затем четыре часа спать в обнимку с автоматом АКМ и полным боезапасом в подсумке на поясе – дюже неудобственно. Да ещё устав караульной службы нужно знать на зубок. Вовка Пругло, он же батька Махно, из Запорожья. Очень уважает сало и сливочное масло. Добрейший парень, с лёгкой хитринкой на лице, в дружбе надёжный и проверенный парень. Мы с ним даже в Солнечногорском санатории Минобороны вместе были. А там со мной история случилась. Влюбился, понимаешь. Стою в строю, и вспоминаю девушку Зину и злюсь на Вовку. Зиночка была красивая, росточком маленькая, аккуратненькая вся, как Дюймовочка. А я – детина, сто девяносто на девяносто, когда мы по парку гуляли, её на руках носил. И вот говорю я этому Пругло:

- Все, Вова, кранты. Влюбился я крепко в одну девчонку, жениться хочу.
- В кого это? – спрашивает – уж не в Зиночку ли?
- Да, – говорю.
- Слушай Сэм, не хотел я говорить, но уж если ты сам начал, то я тебе скажу, что ты осёл.

¹ Старлей – старший лейтенант – воинское звание.

— Почему? — спрашиваю.

— А потому. Ты вчера вечером, где был?

— Да одной бабушке тут ходили огород вскопать. А что?

— А вот что. Пока ты огород копал, она ко мне пришла и говорит: «Вова, ты парень умный, не то, что этот Сэм, дурак такой. Ходит вокруг да около. Не мычит и не телится. И целоваться-то не умеет, как следует. А у меня парень в Химках есть, жениться обещал».

Я говорю Вовке:

— Ну и что, что есть парень, мне-то что до того? Люблю я её.

Пругло отвечает:

— А то! Ну, в общем, погуляли мы с ней вокруг озера, пока ты землю ковырял у бабушки. Она сказала, чтобы ты не искал её больше.

Вот так, друг называется. Помог так помог в сердечных делах! Конечно, искал я её перед отъездом, но она и вправду в Химки уехала. Это потом выяснилось, что Вовка всё наврал. Не гуляла она с ним в тот вечер. Это просто я психанул и два дня или больше не ходил к ней. Она обиделась и, не дождавись, уехала. Вот такие дела... Долго я переживал, ну а этот хитромудрый Махно мне потом объяснял:

— Ну что, перебесился? И что бы было? Ну, женился бы, уехал, она осталась бы одна. Ты уверен, ждала бы она тебя ещё два с половиной года?

Мы тогда не знали, что служба у нас пойдёт год за полтора. Не знали, где будем служить дальше. Хвала Пругло, он меня сохранил для моей Любашки.

Ладно, Махно, иди, служи, на посту не спи, учи уставы, с памятью у тебя туго что-то. Помни, ты часовой, а не хлеботорец. Это тебе не, сало да масло.

В общем-то, здесь о девчонках постоянно думаешь. Ребята фотки своих подруг показывают, хвастаются, как на гражданке гуляли с ними, как их ждут дома. У одного парня вообще жена с дочкой есть. Пишет, что скоро второй ребёнок будет. Приезжала она к нему в учёбку. Вот отец-герой! Придёт со службы, а у него полное семейство по лавкам сидит. Серьёзный мужик. Говорит, что если жена второго родит, то его должны будут демобилизовать. Размечтался, салага, служить только начал, года не прошло, а уже на дембель собрался. Но вообще-то правильно. Пусть детей растит, воспитывает, а мы уж за него здесь послужим Отечеству и флоту.

Скоро весна. Запахи уже весенние, пряные, такие теплые. Тут недавно птахи какие-то на север потянули. В нашу сторону... А у нас дома ещё зима, метели воют, до весны целых два месяца.

Ну вот, что-то развод затянулся. Это Железный Феликс кого-то распекает. Железный Феликс — это заместитель командира части по строевой. Вот с кого писать портрет настоящего строевика-вояки. Правда, он не флотский подполковник, общевойсковик. Подтянут и красив, залюбуешься. Но уж лучше ему не попадаться. Если ты его раньше увидел, то руби строевым метров за пятнадцать-двадцать, правую руку к виску, морду поворотом влево, из глаз искры, носочки оттянуты. Неважно, что у тебя под ногами: песок, гравий, грязь или асфальт. Всё равно руби! Он это уважает. Иначе тебе хана, боец. Будешь у него часа два под окнами штаба рубить строевым асфальт. После таких строевых занятий порхаешь, как весенняя бабочка: ног-то не чувствуешь.

Наконец, команда: «Рр-а-а-вняйсь! Сми-р-рно! Напр-а-аво! На одного линейного дистанция! Равнение на знамя! Ша-а-а-гом ма-а-а-риш! Песню за-а-а-певай!» Это гремит Железный Феликс. Мысли отлетели, будто их и не было. Всё подчинено воле и командам Железного Фелик-

са. И пошли, вдавливая начищенными до зеркального блеска ботинками слова песни в асфальт плаца. Песня вырывалась из наших глоток, ударялась о плац и улетала в ясное весеннее небо:

*Прощай, не горюй,
Напрасно слёз не лей,
Лишь крепче поцелуй,
Когда сойдём мы с кораблей...*

ПАТРУЛЬ

Сегодня на разводе нашу команду расписали в патруль. Интересно, кого назначит патрульным старший капитан лейтенант Примаков? Это патруль не по «Площадке», где всего несколько зданий, клуб, офицерская столовая да небольшой сквер, в котором растут карагач вдоль аллеек и необычный кустарник с узкими, серебристо-зелеными листочками и небольшими, такого же цвета, плодами размером с небольшую фасоль. Почему-то их все называли маслинами. Пробовал на вкус – преснятина. Вообще-то это декоративный кустарник, который придаёт степным поселениям особый колорит, так же как у нас на севере акация. Патруль в городе, расположенном на берегу реки Сырдарья вблизи железнодорожной станции Тюра-Там – это особый патруль, и у нас он считается за праздник. Этот городок – столица космодрома Байконур. Красивый, современный город, почти в пустыне, весь в зелени, по краям тротуара текут арки, по улицам гуляют гражданские люди. В основном, замечаешь молодых женщин и девушек, но пялиться на них открыто нельзя. Наоборот, идёшь с безразличным видом, надвинув беску на правую бровь, и вроде их не замечаешь, но сам боковым зрением сопровождаешь очередную красавицу. А каких их только нет! И ярких, загорелых, шоколадного цве-

та восточных женщин и белокурых северянок, рыженьких, черненьких, беленьких... Некоторые из них с удивлением оглядываются на нас: откуда, мол, такие? Форма у нас блеск! Чёрные расклешенные брюки, до зеркала, начищенные хромачи¹, белые, с голубыми отворотами и полосками по краям рукава рубахи, за плечами голубой гюйс, а на голове белая бескозырка с черной лентой на которой золотом надпись «Дважды краснознаменный Балтфлот». Ленты, как две чёрные змеи, с золотыми якорями почти до пояса выются за спиной. Не устоять девчатам, но мы непоколебимы. На левом рукаве красная повязка – «патруль». Мы на службе. Пишите письма! А это ведь чьи-то дочки, жёны наших командиров. Нельзя нам ударить в грязь лицом. Балтфлот не подведёт!

Построив смену, капитан-лейтенант Примаков внимательно нас осматривает. Мы пожираем его глазами.

– Старшина второй статьи Дмитриев, матрос Любимов, матрос Самоделкин, два шага вперед! Вы назначаетесь в патруль на площадку десять.

– Есть!

– Построение на развод в пятнадцать ноль-ноль. Разойдись!

Команды звучат чётко и строго. Внутри у нас все ликует. Хотя патруль суточный, трудный, без подмены на сон, но это всё же выход в город, как разрядка в привычной, однообразной жизни. Вперед ребята! В баталерку² утожиться, стричься, бриться. Не дай Бог, на разводе оплошаешь из-за какого-нибудь пустыка. Сам Железный Феликс осмотр ведёт, по уставам гоняет. Права и обязанности патрульного, как Отче наш, не напрягаясь, должен знать. Носовой платок несвежий – всё, пиши, пропало, будешь вечно в сторожевом наряде это в лучшем случае, ну, а два часа строевых точно обеспечены. Но мы веселы

¹ Хромачи – хромовые парадные ботинки.

² Баталерка – хранилище личных вещей военнослужащих.

и беззаботны. Не впервой! Развод прошёл нормально. Настроение у Железного Феликса хорошее. Даже разок усмехнулся в усы. Наш бравоый вид его вполне удовлетворил. Но уставные положения и нормы флотского обмундирования он не знает. Что с него взять? Пехота! За одну ленту неуставной длины нас где-нибудь в Питере на губу² бы закатали. Но ведь красиво же!

На патрульную службу отбываем на мотовозе. Это типа электрички только с дизельной тягой. Едем два часа. В назначенное время прибываем в гарнизонную комендатуру. Там ещё раз подвергаемся тщательному осмотру и проверке знания устава. Развод ведёт помощник дежурного по гарнизону, какой-то ракетчик-капитан. Он критически нас осмотрел, ещё раз подошёл к Любимову и спросил что-то по уставу внутренней караульной службы. Тот, как учили, выпалил в одно дыхание ему в лицо всё что знает, а знает он правильно. Мы получаем маршрут, и Примаков ведёт нас по улицам, как нам тогда казалось, красивейшего после Москвы и Питера города. Вечерет. Улицы заполнены народом. Давно мы столько людей не видели. Женщины спешат с работы, ведут детей из детского садика, несут сумки с запасами. Много офицеров, они здесь живут. Рука уже издергалась к правому виску, отдавая честь, как положено по уставу. Несмотря на чины, все приветствуют патруль, а патруль приветствует всех. Это же военный город.

Зажглись фонари. Наступает южная ночь. На улицах все меньше становится военных, а гражданских больше. За каких-то два часа военный город превращается в гражданский. Офицеры, придя со службы, переодеваются в гражданскую одежду и выходят гулять. Идут с семьями в кино или театр. Рядового состава на улицах практически

² Губа — групповка для нарушителей, в том числе за нарушения формы одежды

нет. Пройдя маршрут, возвращаемся в комендатуру. Наш командир докладывает дежурному офицеру. Мы отдыхаем. Ноги слегка гудят. В мотовозе два часа ехали стоя, чтобы не помялись стрелки на брюках до развода, да и на маршруте два часа отмахались. Поэтому нужна передышка. Впереди ещё двенадцать часов службы. Духота спаднет. На улице громко стрекочут цикады. Их так много, что, кажется, каждая из них старается перестрекотать всех. На небе появляются звезды. У нас дома они не такие. Здесь кажется, что они ближе к земле и ярче. В окнах то тут, то там зажигается свет. Интересно, какие они командиры дома? Сейчас они отдыхают в семьях, а завтра чуть свет на объекты к личному составу, нас воспитывать, учить владеть техникой, крепить оборону страны. Сложная и опасная у них работа. Здесь похоронен маршал Неделин с боевыми расчетами таких же, как мы ребят. Отсюда провозжают космонавтов, а ведь не все возвращаются... Осваивать космическую технику, особенно такую, нужны усилия и напряжение всей страны. Мы пока что первопроходцы. Как там дома? Редко я стал писать, привык. Командиры предлагают пойти учиться в военное училище. Надо подумать. Димыч вот тоже ведёт агитработу:

— Давай вместе. Интересная работа, и гражданская специальность будет.

Он у нас комсорг. И как духовный наставник, мудрый не по годам. Я сам себе задаю вопрос: «А как же дембель?» Говорят, в октябре-ноябре по домам. Не верится даже.

Командир гасит сигарету. Вперёд на маршрут. Вообще интересный дядька Примаков. Ему лет тридцать пять. Ребята его любят и уважают. Я ни разу не видел его злым, сердитым. Правда, один раз в санчасти, когда он сидел в

приёмной к зубному врачу (я тоже страдал зубами), он ко-го-то так послал и туда, что я в жизни такого не слышал. Мореман. С ним интересно. Он много знает про жизнь и зря нас не напрягает, не топорщится как некоторые.

На улицах никого. Тишина. Город спит. Слышно, где-то рядом шумит река. Это Сырдарья. С виду спокойная речушка, но, говорят, в ней полно омутов и водоворотов. Не умолкая, монотонно стрекочут цикады. Хочется спать. Тело стало вялым и сонным, ноги ватные. Зашли в холл гостиницы. О, здесь мягкие кресла! Примаков привёл нас сюда не зря. Выткнув ноги, прикрыв беской глаза, проваливаемся в кресле в бездну сна. Отдыхали почти час. Выходим на улицу. Прохладно. Это бодрит, сонливость быстро проходит. Странно, днём жарко, пекло, а к утру воздух остывает настолько, что кажется, дыхни – и пар пойдёт. Вот такой резко континентальный климат. А зимой ещё хуже. Вроде бы юг, но не Сочи.

Светает. Идём в комендатуру, проходим мимо пекарни. Так вкусно пахнет горячим хлебом. Хочется есть, аж засосало под ложечкой. Бойцы в белых курточках грузят в автофургон свежий горячий хлеб, развозят по частям к завтраку.

– Эй, морячки, хлеба не желаете?

– А как же! Спасибо!

– На здоровье, кушайте.

Разламываем ещё теплую буханку и жуем. Вкусно-тища! Правда, не едал я больше такого вкусного, тёплого, душистого хлеба рано утром, когда солнце вот-вот выползет из-под края далёкого степного горизонта. Ужинали, завтракали и обедали мы в караульном помещении гарнизонной гауптвахты. Но этот кусок свежеспеченного хлеба был вкуснее самого лучшего пирога или даже торта.

Вот что значит вовремя подкрепиться. Днём всё шло обычным образом. Движение по знакомому уже до мелочей маршруту. Жара начинается часов в одиннадцать. Солнце почти над самой головой. Народ в это время старается не появляться на улицах. Наш патруль сделал несколько замечаний солдатам срочной службы за нарушение формы одежды. Жарко, расстегнули гимнастерки. Но служба есть служба. Терпи, боец, лишения, не нарушай устав. Передвигайся по территории гарнизона только в строю. Идешь один – предъяви документ. Не зря всё это продумано в уставах до мелочей. Военная служба не терпит своеволия.

Наша патрульная служба подходит к концу. Командир докладывает и сдает рапорт. Особых замечаний нет. Нас благодарят за службу. Хочется уже быстрее вернуться на свою площадку. В гостях хорошо, но дома лучше. В мотовозе сразу сидя засыпаем на плече друг друга. Командир остался в городе, там у него семья. Нас ждёт ужин и ранний отбой. Заслужили. Нескоро, а может быть уже и вовсе не придётся ещё раз посетить столицу Байконура.

ПЕСНИ О ДЕМБЕЛЕ

Гитара – верная подруга нашей флотской молодости, порой расстроенная с порванными струнами и от этого жалобно дрожащими аккордами, ты согревала души ребят в редкие часы отдыха. Конечно, с тобой нельзя было выйти на сцену. Ты была неказистой латанной-перелатанной. Потертая с наклейными по корпусу красавицами, вырезанными из журналов.

Гитаре доверялись самые сокровенные самодельные песни о подругах, которые ждут и про тех, которые

уже не ждут, о доме, о маме... Хриплыми голосами мы с тобой пели песни Высоцкого, нежно лиричные о «Солнышке лесном» Визбора.

Но чаще всего звучали песни о дембеле, о том дне, когда придёт приказ о демобилизации, и мы со службой распрощаемся сейчас.

О дембеле мечтает и салага, которому служить как в «медному кошелю» и годок, который собирает уже дембельский чемодан и, расписывает дембельский альбом с фотографиями друзей и девушек. О форме одежды особый разговор. Дембельская форма одежды готовится, начиная с каждого дня, когда проводим, домой последнего перед тобой дембеля годка, и ты стал годком.

Во-первых, форма подгоняется по фигуре так, чтобы голландка была в «облипочку», нигде не морщилась и не пузырилась. Ну, а брюки естественно с клешами с вшитыми для этого в брючины клиньями. С особой тщательностью изготавливались погоны. Буквы БФ (Балтийский флот), вырезанные из тонкого латуниного листа и отполированные до золотистого блеска, были верхом ювелирного мастерства. На погонах не должно быть ни единой морщины, и подшивались они особым невидимым внутренним швом. Военские значки и знаки отличия должны сверкать и блестеть. Поэтому как особый ритуал еженедельно они драются специальной пастой. Отутюженная форма хранится в дембельском чемодане и еженедельно осматривается и гладится. Вот так готовится к демобилизации настоящий годок. В определённый срок он появится перед родными, друзьями, девушками на гражданке во всей красе со всеми регалиями, настоящим орлом. Вот такое трепетное отношение к военной форме было в те времена.

Кроме песен под гитару, конечно, были песни строевые. Наша знаменитая строевая «Прощание славянки» воодушевляла не одно поколение воинов. Только мы её пели в строю на свой лад:

*Прощай не горюй,
Напрасно слёз не лей.
Лишь крепче поцелуй,
Когда сойдём мы с кораблей.*

А на вечерней прогулке окрестности военного городка оглашались громкоголосым хором голосов словами из песни про «Чёрного кота». Мы орали «Чёрного кота» с наслаждением. Тогда, как принято сейчас говорить, это был хит.

*Жил да был чёрный кот за углом,
И кота ненавидел весь дом...*

Было не так скучно с этой песней маршировать по плацу, и даже очень весело. Старшина на этот неуставной факт закрывал глаза.

Песня в армии и на флоте в часы отдыха и в боевом строю объединяла воинов, снимала напряжение, усталость после трудового дня.

И конечно, тот матрос, который владел гитарой и имел голос, пользовался особым уважением в коллективе. Таким был Харасов, парень из города Электросталь. Он сам сочинял и подбирал аккорды на своей старенькой гитаре, а мы с удовольствием слушали и подпевали ему. Это от него мы услышали:

*...Хочется листьям лета,
хочется птицам неба...*

про дельфина и синие глаза.

А вот «Дембельская» моё произведение, которое сочинил, почти экспромтом, готовясь к дембелю. Надеюсь, что читатель не будет строго судить это творение. Ведь это было так давно, почти 40 лет назад.

ДЕМБЕЛЬСКАЯ

Напой, гитара, мне аккорд в последний раз,
Со службой флотской мы прощаемся сейчас.
Гудит гудок и пыль летит из-под колес,
Домой увозит нас сегодня мотовоз.

И вот стою я у окна и вдаль гляжу,
Друзей и службу в памяти с собой я увожу.
А сердце бьётся, просится домой,
Любимый город, скоро встречу я с тобой.

В седом Кронштадте службу начинал,
Не раз с друзьями выходили на причал,
Балтийский ветер наши волосы ласкал,
А чайки белые с собой манили вдаль.

И вот труба опять зовёт,
И рынды¹ склянки² быют для тех,
кому в морской поход.

А нам с тобой, братан, на космодром,
Ведь это тоже порт, я вам скажу, вот это порт!

Вот солнце южное встает на горизонт,
И гром гремит, как будто это шторм,
И столб огня из шлюзов корабля,
А в небе крест из рукотворного огня.

Над Байконуром солнце яркое встает,
За гнойс матросский ветерок песок метет,
Здесь мы узнали, что такое вкус воды,
Что дружбе флотской, братцы, нет цены.

Здесь мы узнали, что такое вкус воды,
Здесь в космос уходили корабли,
Здесь в космос уходили корабли,
Отстыковав своих шаров швартоны.

¹ Рынды – сигнальный колокол.

² Склянки – узары и сигнальная колонка.

И не вернётся больше прошлое назад,
Пусть в синей дымке исчезает Космосград.
Любимый город, я спешу тебя обнять,
Асфальт на улицах твоих поцеловать.

Прощай Каптри, прощай, дружище, будь здоров!
С бутылкой пива вспоминай своих орлов.
Мы на гражданке тоже будем вспоминать,
Твою науку, батя – наш комбат.

У ДЕЛЬФИНА СПИНА ЧЕРНАЯ

Море встаёт, вахта в ночи длинна,
Так почему, почему в сердце ты одна?
Так почему, почему сердце своё смогла сберечь?
Так почему, почему не решила ждать?

У дельфина спина чёрная,
У неё глаза были синие.
А морская волна зелёная,
И мечту с собой унесла навек.

Если судно вдруг встало в дрейф,
То не ищи за ним белой пены шлейф,
То не ищи за ним белой пены шлейф,
Потому что его уже там нет.

У дельфина спина чёрная,
У неё глаза были синие.
А морская волна зелёная,
И мечту свою унесла с собой.

ХОЧЕТСЯ ПТИЦАМ НЕБА

Хочется птицам неба, хочется листьям лета,
Грезится алый парус синему кораблю.
Только всплывают снова в памяти четыре слова,
Самых печальных слова: «Я тебя не люблю».

Над широтой причала кружится стая чашек,
Ветер слегка качает клотики бригантин.
А в небе на видном месте кто-то уже развесил,
Четыре ярких созвездья: «Но я тебя очень люблю».

Хочется птицам неба, хочется листьям лета,
Грезится алый парус синему кораблю.
А небу уже известны четыре ярких созвездья,
Четыре ярких созвездья: «Но я тебя очень люблю».

УГОЛЁК СЧАСТЬЯ

Она спешила ему навстречу. Это происходило довольно часто, ранним утром, когда у них совпадали смены. Проходя мимо витрины магазинов, Она старалась заглянуть в каждую, чтобы посмотреть на себя со стороны и представить, какой Он увидит её сегодня. «Ничего, сим-

патичная», «Смотреть смотрите, а руками не трогайте». Она весело улыбулась своим мыслям. И впрямь любовь делала её привлекательной. По-девичьи стройная фигура, весёлые лучистые глаза делали её моложе своих лет. Ей вспомнились где-то прочитанные строки о том, что каждый человек в своей жизни может найти уголёк счастья. Он должен беречь его, не дать ему потухнуть прежде времени. Она верила, что нашла свой уголёк счастья, и сейчас бережно несла его в сердце ему навстречу. Она привыкла мысленно разговаривать с тем, к кому спешила, и когда занималась домашними делами, и даже порой сочиняла стихи:

*«Ты рядом, и всё прекрасно –
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный, за то,
Что ты есть на свете...»*

Она решила, что обязательно прочтёт ему эти строки. Он увидел её издали, узнав в потоке людей, спешащих утром на работу, учёбу и по другим делам. Она шла, немного наклонившись вперёд. Нет, нет, не согнувшись, а именно слегка наклонившись, как бы разрезая расстояние, разделявшее их.

Правая рука кокетливо отмахивала в такт шагов, делая её походку очень милой. Она его тоже увидела и приветливо помахала рукой.

– Я уже иду!

Он раскинул руки, показывая, что готов обнять её. Это был их обычный утренний ритуал приветствия. Он веселил их, делая встречи немного игрой.

– Ну, как дела? Все хорошо? – заглядывая в его смеющиеся глаза снизу вверх, весело спросила Она.

— Всё прекрасно! смотри, какое сегодня небо, солнце!

— Слушай, давай поделим мир: небо тебе — звёзды мне, море тебе — волны мне, или ещё лучше — всё тебе, а ты мне.

— Договорились?

— Я согласна.

От этого перекрестка им было по пути, в одну сторону. Они шли рядом и говорили о всяких пустяках, осторожно обходя главное в их отношениях.

— Ты мне позвонишь сегодня? — спросила Она, глядя в его серые, немного печальные глаза.

— Постараюсь, знаешь, столько дел накопилось. Я, наверное, завтра уеду в командировку.

— Куда? Надолго? — её ресницы тревожно взлетели вверх, распахивая удивительно красивые карие глаза.

— Наверное, на неделю.

— Я буду ждать тебя.

Они ещё с минуту постояли, молча глядя друг другу в глаза.

— Всё будет хорошо. Не грусти, я буду часто тебе звонить и скоро приеду.

Мимо проходили знакомые и незнакомые люди, оглядываясь на них, но они их не замечали. Они были в этот миг одни во всей Вселенной. Уходя в разные стороны, туда, где их ждали дела, дневная суета, каждодневная привычная работа, каждый из них в своём сердце уносил уголёк счастья, который их согревал. Они нашли его.

Смогут ли они сохранить его как можно дольше, не погаснет ли он, превратившись в пепел, остыв от обыденности и не выдержав холода равнодушия эгоизма? Об этом они тогда не думали, да и не могли представить себе, что их уголёк счастья может когда-нибудь потухнуть.

ВЕЧЕР ВДВОЁМ

Рабочий день подходил к концу, и Он позвонил по мобильному, высветившему номер с Её именем, таким родным и значимым для него.

Он ласково прошептал Её имя, имя, которое отражало Его душевное состояние и вселяло надежду на будущее. Он представил Её чудно улыбающиеся глаза и милые ямочки на щеках.

В трубке раздался жизнерадостный, наполненный любовью и ожиданием, голос:

— Я уже дома. Ты где?

— Уже рядом, родная.

Подходя к дому. Он увидел, как дернулась занавеска. В окне появилось милое, родное лицо. Вот и подъезд. Крыльцо и два лестничных пролёта перемахнул в несколько шагов. Нажимая кнопку звонка, слыша Её торопливые шаги. Он несколько раз потренировал звонок, выказывая своё нетерпение.

Щёлкнул замок, дверь распахнулась, и Он погрузился в эти родные глаза и улыбку, наполненные любовью и счастьем. Она обвила Его шею руками и прижалась к нему.

— Вот так и буду висеть у тебя на шее как награда.

Целуя Её ямочки на щеках, Он соглашался:

– Конечно, награда. Только не знаю за что.

– Знаешь, знаешь...

Она залилась звонким счастливым смехом, делавшим Её совсем девчонкой. В коридорном зеркале они увидели своё отражение.

– Фотография на память?

Она лукаво и требовательно посмотрела на него и тотчас прижалась к его щеке, прикрыв глаза пушистыми ресницами.

Из зеркала на них смотрели высокий седеющий мужчина и красивая хрупкая женщина с нежными карими глазами.

Она встрепенулась.

– Ты же голодный. Идём скорее, всё остынет.

В доме сверкало и блестело чистотой. Из кухни доносились манящие, аппетитные запахи. Стол был накрыт празднично, посредине красовалась бутылка шампанского и фрукты.

– У нас сегодня праздник? – вопросительно глядя в лучики Её глаз, спросил Он.

– Ты забыл, какое сегодня число? – прижав к груди руки, как-то потерянно произнесла Она.

– Прости, родная, ради Бога прости, замотался совсем. Сегодня же двадцать первое! Наш день! Ещё один год прошёл с нашей первой встречи. Ты моё чудо!

Шампанское было разлито по бокалам, оно искрилось мерцающими яркими звездочками.

Глядя на них. Она тихо сказала:

– Закрой глаза, представь звезду, ту, на которой я живу. Тебя увижу, подойду и нежно-нежно обниму. Тихонько на ухо шепну: мой милый, я тебя люблю.

– Ты знаешь, о чем я мечтаю? – вдруг спросила Она, глядя на него через бокал с искрящимся шампанским, и

тут же ответила: – О море, вот уже двадцать лет. Ты видел море? Расскажи, какое оно?

– Я видел море, любимая. Оно такое безбрежное и глубокое, как моя любовь к тебе. Оно даже похоже на тебя, такое же ласковое, тёплое и нежное. Но оно может быть и беспокойным, своенравным, изменчивым и порой даже очень грозным, бушующим. Опять же, как и ты... Иногда...

Она звонко засмеялась:

– Неправда.

И вдруг, о чем-то задумавшись, притихла, прижавшись к его плечу. Он продолжал:

– Говорят, что женщина – особенное море, в нём можно утонуть, если отдать ей душу и сердце. Ты знаешь, похоже, я уже утонул, и очень рад этому. Наверное, моряки чем-то похожи на влюбленных мужчин. Моряки не могут жить без моря и предпочитают закончить свои дни в морской пучине, потому что у них душа морская. Так и я не смогу уже жить без тебя. Без этих добрых глаз, твоих губ, нежных и ласковых рук. Знай, что моя душа отдана тебе, и без тебя я буду лишь существовать, но не жить.

Она смущенно опустила ресницы и, наклонив слегка голову, задумчиво произнесла:

– Я прочитала в одной умной книге, что счастье – это то, во что воплощена любовь. Это причастность человека к другому человеку. Он является его частью. Счастье, это когда вы нужны друг другу и поэтому вы вместе. Счастливый человек заметно отличается от окружающих. Он светится, у него всё, за что не берётся, получается. Более того, ему так хочется, чтобы и другие были счастливы. Как ты думаешь, это о нас?

Он, молча, взял Её руку и поцеловал ладонь.

— Я постоянно чувствую, что ты рядом. Иногда просто физически слышу твоё дыхание и прикосновение к своей щеке твоих волос. Ты плачешь?

— Это от счастья, милый. Ты моя страна. Мне хорошо и спокойно с тобой. Ты стена, за которой тепло, сухо и уютно. Наверное, в этом заключается женское счастье.

Он взял Её маленькие, изящные руки и, целуя их, произнес:

— Мы обязательно поедem к морю, моя родная. Ты увидишь, какое оно большое, сильное и ласковое. Оно сливается с синью неба. А когда смотришь вдаль, то не видно черты горизонта, разделяющей небо и море. Бирюзовое у берега, оно постепенно меняет свой цвет до прозрачно-голубого. Оно бесконечно, как моя Любовь к тебе.

Он взял в руки гитару и, тихонько перебирая струны, запел их любимую песню.

Ей нравилось, как он поёт, и она гордилась им, когда он пел со сцены, называя Его про себя «мой капитан».

Они ещё долго сидели за столом, наслаждаясь шампанским, и мечтали.

За окном сгустились сумерки, на улице зажглись фонари, а они все сидели рядом, радуясь близости, пониманию и душевному теплу исходящему друг от друга. Они были счастливы вдвоём. Город засыпал, но на втором этаже, как маяк в ночи, ещё долго горел свет.

ИГРА ИЛИ ПРОСТО БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Зазвонил будильник, настойчиво, призывая к трудовому дню. Вставать не было ни малейшего желания и сил. Прихлопнув будильник рукой, не отворачивая головы от подушки, Вадим мрачно подумал: «Какого «лешего» надо было вчера так набираться?» На душе было скверно. Болела голова.

Страхивая остатки тяжелого беспокойного сна, он поплелся в ванную. Из зеркала на него уставилась взлохмаченная голова с пустым выражением глаз, обросшая трехдневной седеющей щетиной.

— Ну и видок, однако, — вздохнув и открывая кран с холодной водой, тоскливо вслух произнес Вадим. Он залез в ванну и подставил еще не проснувшееся тело под упругие ледяные струи воды.

— Водичка, — блаженно пробормотал он, чувствуя, как просыпается и проясняется сознание и весь организм.

Окончательно проснувшись, накинув халат на мокрое тело, «страдалец», шлепая босыми ногами, прошел на кухню разогревать чайник. Пофыркав паром, чайник призвал хозяина к холостяцкому завтраку.

Обжигаясь, горячим крепко заваренным чаем, Вадим снова произнес вслух:

— Ну, вот и все, докатился, дал слабинку. Ведь знал же с самого начала, что рано или поздно все так и будет. На что надеялся? Ну а вдруг еще не все потерянно?!

С надеждой на то, что всё ещё можно изменить, он взял телефон и набрал номер. После длинных гудков оператор сотовой связи вежливо сообщил: «Извините, абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвони-

те позже», повторил свое извинение на английском языке.

На сердце навалилась тоска от обиды, неопределенности и душевной пустоты. Он вспомнил их недавний разговор. Она, нервно теребя конец шарфа, и, глядя в сторону, сообщила, что ей придется уехать на несколько дней.

— Куда? Зачем? — Чувствуя недосказанность в её словах и волнение, спросил он.

— Я тебе позвоню, как только доберусь, не скучай! — Поцеловав его в щеку, она развернулась и торопливо не оглядываясь, поспешила в сторону автобусной остановки. Он стоял и смотрел, как она вошла в автобус, на прощанье, махнув ему рукой.

— Ветер! Надо уехать.... Зачем такая спешка? И куда? — с тревогой и досадой подумал он тогда.

Характер у неё, конечно, был не сахар. Её целеустремленность, можно сказать «упёртость», каким-то образом сочеталась с бесшабашностью, легкостью принятия решений иногда граничивших с авантюризмом. Но он любил её такой, какая есть и за то, что она просто есть на свете. Единственная! Любила всем своим существом, постоянно думая о ней. Порой её веселость, игривость и бесшабашность сменялась грустью со слезами на глазах. Она могла часами лежать, сжавшись в комочек и молчать. А за тем тут же обнять его и со смехом сказать:

— Ты меня держись, со мной не пропадёшь, по горя хватись!

Усевшись к нему на колени, ласковой кошечкой прижималась, так что он слышал, как бьется её сердце. А он тоже со смехом вторил ей:

— Мы спиная к спине у матчи против тысячи вдвоём...
— Вообще-то у Джека Лондона ...спина к спине у грота.

Звонков от неё не было три дня. На его звонки она тоже не отвечала. Телефон был отключен до вчерашнего дня. И вот связь наладилась, и прозвучал долгожданный звонок.

— Ну, наконец-то! Ты куда пропала? Я же волновался очень, места не находил. Разве так можно?!

— Прости! Мне нужно было побыть одной, подумать и всё решить для нас.

— О чем подумать? Что решить? Я тут схожу с ума. Телефон не отвечает. Никто не знает где ты. Что с тобой? Когда ты будешь дома?

— Со мной всё нормально.... Пойми, милый, славный мой человек, мы должны расстаться! Я больше так не могу! Поиграли и хватит! Ты должен вернуться к семье и жить спокойно. Пойми, всё, что происходило между нами, это было просто игрой. Прошу, не звони мне больше. Мы должны каждый прожить свою жизнь.

— Как прожить? Почему ты это должна решать одна? — Но телефон уже молчал.

Вадим некоторое время тупо смотрел на погасший экран телефона, а в голове эхом отзвывались её слова.

— Игра... игра.... это только игра...

Придя в себя, он снова и снова набирал её номер. Но телефон молчал. Она его просто отключила.

Домой идти не хотелось. Он знал, что её там нет. Ноги сами привели его в парк, где они ещё недавно облюбовали одну из скамеек. Под ногами шуришала опавшая листва. Сентябрь.... Опавшие с берёз, клёнов и рябин листья, ложились под ноги золотым и багряным ковром. Присев на скамейку Вадим пожалел, что несколько лет назад бросил курить. Сейчас бы в самый раз затянуться дымом сигареты и заглушить жгучую тоску и боль в душе, снять с сердца тяжёлый камень обиды. Прохожих в

парке не было, только две пожилые женщины совершали вечернюю прогулку. Проходя мимо сидящего в одиночестве мужчины, нахолодившегося, с надвинутой кепкой на глаза, торопливо поспешили к выходу. Подняв воротник куртки, и засунув руки в карманы, уже холодило, Вадим вспоминал их первую встречу.

Это было почти два года назад. Старинный друг и однокашник по институту Сергей, пригласил его на свой юбилей. Настроения веселиться у Вадима совсем не было. Идти на торжество с «постным» лицом не хотелось. Постоянные мелочные ссоры с женой, упреки, подозрения сделали своё дело. Всё шло к разводу. Вообще-то уже давно они особо не нуждались друг в друге. Делали вид дружной пары. Единственная дочь Виктория, вышла замуж и уехала с мужем в столицу. Сергей все-таки настоял на своём.

– Полтинник все-таки, Вади, и мы с тобой вот уже почти тридцать лет вместе. Ты, давай заканчивай «хмарь» разводить. Бери свою Веру в охапку и айда гулять. Помирим вас, не чужие ведь люди.

В этот вечер Вера, как всегда, была не в духе. Звонила дочь, просила денег. Зять машину собирается покупать, надо помочь. Слово за слово и опять пошли упреки, слезы:

– Настоящие мужики деньги зарабатывают, а ты со своим заводом расстаться не можешь. Чокнутые, вы с Сергеем! Вот у Ленки мужик, ларьки открывает! А ведь с чего начал-то? С собачьего корма, да жвачек. Вот как развернулся сейчас, бизнесмен! Коммерсант! И Ленка разодета как принцесса! А вы с твоим Сергеем тюхи, так и есть тюхи-матюхи! Никакого толку от вас нет. Инженера!..

Вадим, на ходу, надевая куртку и кепку, ушёл, с уже давно проитранного им «поля боя», бросив жене с порога в сердцах:

– Да делайте вы что хотите! С меня довольно!

Выскочил из подъезда, сев в свою старенькую «Волгу» подумал:

– А, ведь по большому счету она права. Сергей давно предлагал уйти и открыть автосервис. Работы хватит...

Машина заводилась плохо. Барахлил стартер.

– Ну, ладно ласточка как-нибудь сезон до техосмотра добегаем, а там видно будет. К весне куплю тебе обнову, – ласково поглаживая руль, вслух произнес Вадим.

Пошёл снег крупными хлопьями, плотно залепляя лобовое стекло. Дворники с трудом справились с таким обилием снега.

– Ну, и погода! Конец октября. Однако, ещё растает, слякотно будет, – мрачно подумал про себя Вадим, ещё оставаясь под впечатлением «семейной разборки».

Включив фары на ближний свет, он осторожно повел машину, пропуская, спешащих перебежать перекресток и укрывающихся от падающих мокрых хлопьев снега, пешеходов.

– Ну, что за денёк такой сегодня! Тоска одна, – подумал Вадим. На торжество идти совсем расхотелось. Но идти надо. Обидится не то Серега. Скажу, что Вера приболела, мысленно оправдывался перед другом, за свою беду Вадим.

На юбилей к другу он все-таки опоздал. Когда он вошёл в зал, тамала, ведущая вечер, миловидная стройная молодая женщина, строго взглянула на опоздавшего гостя, продолжила поздравления в честь юбиляра.

Стараясь не привлекать к себе внимания. Вадим осторожно пробрался на свободное за крайним столом место.

Он не сразу обратил на неё внимание. Однако, уже освоившись и познакомившись с соседями по столу, он увидел её глаза и очаровательную улыбку и ямочки у слегка пухлых губ. Поглядывая в её сторону, он перехватил изучающий его взгляд, карих с пушистыми ресницами глаз. Объявили танцы. Он подошел и пригласил её. Волнуясь как в юности, когда он на спор с Васькой, соседом по парте, приглашал первую красавицу класса, танцевать на выпускном балу.

Взяв маленькую теплую ладонь незнакомки, он почувствовал необъяснимое волнение в себе. На него снизу вверх доверчиво смотрели, излучающие добрый свет, глаза. Ему показалось, сто когда-то раньше, очень давно, он уже видел эти глаза, чуть полноватые трепетные губы, эту улыбку. Скрывая волнение, он представился и спросил, как её зовут и чем она занимается. Она весело и легко назвала своё имя.

Конечно, же! Её и не могли родители назвать иначе – Надежда!

Проводив партнершу на её место за столом, Вадим подошел к Сергею:

– Послушай, Серега, а кто эта дама в брючном костюме? – по-мальчишески смущаясь, спросил он друга.

– Знаешь, друг мой, Вадя, эта «птичка» уже окольцована. Ты что не заметил обручального кольца на её руке?

– Да, я так просто, очень интересная девушка. И глаза у неё... Очень умные... добрые. По-моему видел я её...

Не помню только где, – неумело оправдывался перед другом, Вадим.

– Ну, конечно, городок-то наш маленький, все когда-то кого-то видели. Ну, да ладно давай выпьем по чуть-чуть. Что-то ты не весел нынче, брат, – хлопнув по плечу Вадима, потянул его к столу.

– Знаешь, Сергей, я, пожалуй, пойду домой, Вера вот приболела. Прийти не смогла, передает тебе привет и желает всех благ. Извини! Давай в другой раз.

Он поискал её глазами среди гостей, она, почувствовав его взгляд, приветливо помахала ему рукой и улыбнулась. Он не мог себе позволить уйти, не простившись с ней.

– Какая славная девушка, – радостно подумал он. – Надо сказать ей до свидания!

Он подошел к ней, стараясь найти подходящие слова, сморозил глупость.

– Сергей, я должен уйти, а ты за меня на прощанье поцелуй свою милую гостью.

– До свидания, сударыня!

Она удивленно посмотрела то на Вадима, то на Сергея и звонко рассмеялась.

– Вот как?! Отчего же, я не возражаю!

Окончательно смутившись, Вадим поклонился и вышел в гардеробную. Одевшись, спешно вышел на улицу. Только сейчас он почувствовал, как горели его щеки от стыда за свою нелепую выходку.

– Эх ты, голова! Совсем разучился ухаживать за женщинами. Растяпа! – мысленно укорял себя Вадим.

Первый девственно чистый снег похрустывал под ногами. На небе, несколько часов назад хмуром и облачном, сияли звезды. На улице ни единой души. В свете уличных фонарей, оглянувшись, он увидел свои следы на первом снегу.

— Шаги в новую жизнь, — подумалось ему. — Фантазёр! — он рассмеялся над своими смелыми мыслями.

Дома Вадим осторожно открыл дверь своим ключом. Заглянул в спальню, Вера уже спала, но спросонья всё же съизвила:

— Ну, что нагулялся гулёна?

Он промолчал и прошел на кухню. Спать совершенно не хотелось. На душе было одновременно тревожно и радостно от предчувствия чего-то нового, неожиданного в его жизни, казалось так прочно устоявшейся до мелочей понятию. Вот так она вошла в его жизнь.

Несколько дней Вадим жил под впечатлением от этой встречи. Дома все больше молчал. Даже Вера заметила его состояние и заинтересовалась, не заболел ли, или может на работе что-то случилось.

Однажды Сергей, встретив его перед совещанием в приемной у шефа, заглядывая в грустные глаза друга, шутливо спросил:

— Что же ты брат не спросишь, как я справился с твоим заданием? Она расстроилась, что ты так рано ушёл. Почему? Что произошло? Спрашивала она. Заинтриговал девушку, интриган несчастный! А может ты просто сбежал? Чего молчишь, дружище?

— Да, ну тебя! Серёга, всё шутишь. А мне и прям, кажется, что я её давно знаю. Только всё никак не могу вспомнить, где и когда я её видел.

— В прошлой жизни, брат, в прошлой!

Октябрьский первый снег растаял, и в первых числах ноября выдалась сухая солнечная погода. Как-то возвращаясь с работы, Вадим увидел её из окна своей «Волги», она не торопливо шла по тротуару в его сторону. Лицо её было задумчиво. Остановив машину, он посылал. Она

испуганно оглянулась, но увидев улыбающееся лицо Вадима, приветливо улыбнувшись, махнула ему рукой.

— Привет! Как дела, Наденька? — не скрывая своей радости, от встречи, произнёс Вадим.

— У меня всё хорошо. А, у Вас?

— Да, всё в норме. Вас подвезти?

Она немного помолчала и, кивнув головой, нерешительно произнесла:

— Пожалуй, только ведь Вы, наверное, спешите?!

— Да, нет что Вы! Я свободен и никуда сегодня не спешу. Садитесь, прошу Вас.

— Тогда поехали. Отвезите меня... — она помолчала и решительно продолжила, — куда хотите! Сегодня такой чудесный день, настоящая осень, золотая!

— А, давайте за город? Годится?

— Годится! — Она весело рассмеялась и стала удобно располагаться на заднем сидении.

В зеркале заднего вида, Вадим снова увидел эти чудесные глаза, милые ямочки у краешек губ, которые появились на лице когда она улыбалась. Поправив лёгким движением причёску, она в зеркале встретилась с зачарованным взглядом Вадима. В её взгляде промелькнула паутинка грусти.

— Что-то случилось?

— Да, нет, что Вы, просто немного устала. День был трудный, много работы.

Он остановил машину у кромки берёзовой рощи. Редкие золотистые листочки слетали с берёз, плавно кружась в воздухе, ложились им под ноги. Тропинка, по которой они шли, привела их на не большую полянку.

— Смотрите, Вам не кажется, что берёзы встали в хоровод и танцуют?

И она сама, раскинув руки, закружилась, запрокинув голову к летящему на неё золоту.

Они вернулись к машине. Она села на переднее сиденье рядом с Вадимом.

– Вы, научите меня водить машину? – повернувшись к нему раздумывавшимся лицом, требовательно спросила она. – Я давно мечтаю, но дома над моей затеей, просто смеются. Думают, что я не смогу. А я смогу! Вот увидите!

Упрямые нотки и ее решительный жест рукой говорили о серьезности её намерения.

– Ну, конечно, что за вопрос. Можем приступить к обучению прямо сейчас.

– Нет, сейчас я не могу. Надо настроиться и собраться с духом.

– Ну, что едем? Пора по домам?!

– А как я найду Вас, Наденька? Можно я буду Вас так звать? Не слишком фамильярно?

– Ну, что Вы, мне даже нравится! Меня так с детства никто не называл.

– А найти меня очень просто. Вы мне позвоните в удобное для Вас время. Когда Вы будете не очень заняты. Хорошо?

Достав из сумочки блокнот и ручку. Она записала номер своего сотового телефона.

– Держите, вот Вам мой номер. Не забудете? – вопросительно с игривыми нотками в голосе, глядя в глаза Вадима, произнесла она и поставила рядом с номером свои инициалы.

– Вот так, наверняка, не забудете, – улыбнувшись, она протянула свернутый, в четверо, блокнотный листок.

Ехали молча. Вадим в зеркало видел, как она задумчиво смотрела в сторону, на пробежавшие мимо березки. В городе уже загорались уличные фонари. Вечерело.

– Мне здесь... остановите, я сойду, – повернувшись к Вадиму и поправляя головной убор, чудным образом повязанный шарф, произнесла она тихо.

– Мы ещё увидимся? – вопросительно глядя в её глаза и бережно пожимая её маленькую изящную руку, спросил он.

– Конечно! У Вас же есть мой номер, звоните. До встречи, мне пора. Спасибо за чудесную прогулку. До свидания...

На прощание она улыбнулась, и снова в её голосе и глазах появилась тень грусти.

Вадим не спешил домой, зная, что опять начнутся вопросы с «пристрастием». Он полчаса колесил по городу, прежде чем поставить машину в гараж, он позвонил другу.

– Серега, привет! Как жизнь? Не спишь еще, старина? Посмотри на небо, какие звезды!

– Нормально! А ты чего такой радостный? Премию что ль дали? Или в спортлото выиграл?

– Нет, Серега, мои выигрыши деньгами не измеришь. Он значительно ценнее. Ну, будь здоров! До завтра, привет жене! – весело попрощался с другом Вадим.

Было это как будто вчера, или не было вовсе. Причудилось. Глядя в ночное темное небо, Вадим совсем не замечал времени и все сидел на скамейке в парке. Он с грустью подумал: «Игра без правил. А может быть он сам виноват в том, что нарушил эти правила. Этой беспощадной игры сердца. Когда и в чем? Он опять погрузился в воспоминания.

После прогулки в осенний лес, они стали встречаться довольно часто. У них всегда находились темы для бесед, одинаково интересных для них обоих. Они спорили, соглашались и не соглашались в своих суждениях о жизни,

литературе, событиях в мире, природе о чем угодно. Она увлеченно рассказывала о своей интересной творческой работе, иногда спрашивала у него совета как поступить в той или иной ситуации. Но всегда принимала решение сама, часто противоположное, как ему казалось, и не совсем верное. Ему было очень просто, легко и спокойно с ней. Казалось, что жизнь только началась, после встречи с ней и что он знает её очень много лет.

По утрам они встречались на улице, идя на работу, предварительно созвонившись о встрече. Если она задерживалась, он поджидал её на перекрестке, от которого им было по пути. В эти дни он был особенно счастлив, заряжаясь энергией утренних встреч, от ее улыбки, милых сердцу глаз.

Год спустя они праздновали годовщину своей первой встречи вдвоем. Он предложил ей пригласить на их маленькое торжество друзей. Но она настояла на том, что это их день и только их. Праздновали они годовщину своего выстраданного счастья на съёмной квартире, которую им уступила её подруга, уехавшая в длительную командировку.

Развод с Верой оказался не простым делом. Аморальное поведение, уход из семьи, Вадима обсуждал весь городок. Вера обвиняла его в том, что он загубил её молодость, что он неудачник, думает только о себе. И что ни она, ни дочь не простят его никогда. Но, к слову дочь поняла своего непутевого отца и приняла его сторону. Вадим собрал необходимые ему вещи в спортивную сумку, служившую ему не один год в его командировках. Оставил на тумбочке ключи от квартиры и ушёл.

Сейчас, сидя в парке на их скамейке он вспоминал о том коротком счастье, которое наполнило его жизнь, полную надежд на будущее. Он не мог долго терпеть, чтобы ни услышать её. Рука постоянно тянулась к телефону с одним лишь желанием услышать бархатный, наполнен-

ный любовью голос. Она иногда писала письма, объясняя это желание тем, что когда они рядом то, не может ему высказать те слова любви, которые звучат в её душе. А на бумаге ей проще все высказать. В этих письмах она называла его «странной» большой и огромной, а ещё стеной, за которой надежно и тепло. Писала о том, что все время до их встречи она ждала его, только его одного. А он, читая эти письма, полные любви, нежности, заботы задышался от счастья, от сознания того, что и он всю свою жизнь шёл к ней и встретил настоящую любовь. Это была не игра. Это была настоящая, долгожданная, выстраданная прошлой жизнью любовь. Эта женщина со своими мыслями, заботами, делами, с её прошлым стала для него самым главным, необходимым любимым и желанным человеком на свете. Он её боготворил.

На соседнюю скамейку уселась парочка, о чем-то переговариваясь в полголоса и не стесняясь присутствия Вадима, целовались. Чтобы не мешать чужому счастью, он встал и медленно побрёл вглубь парка по пустой освещенной редкими фонарями аллее.

Почему все так случилось? Чем я ее обидел? Найти и потерять!

«Судьба так жестко карты разложила» пришли на ум строки. Он снова сел на первую попавшуюся скамейку, уже укрытую опавшей листвой. Откинувшись на спинку, продолжил сочинять.

*По жизни рядом нам идти не суждено,
Мы в книге жизни лишь одна страница.
Она судьбой из милости дана,
И в памяти безмерной сохранится.
Я буду дальше жить, надеясь, не скорбя
По-прежнему, все помнить и... любить тебя!*

Стишок, конечно, так себе подумал Вадим. Но забыть все, что с нами произошло не возможно, да и не следует. Ведь мы были тогда счастливы вместе. Пусть даже всего два года. Ради них стоило жить. Ради любви всегда стоит жить. Встретились два человека, как две планеты. Могли просто разойтись в разные стороны, но им суждено было оставить неизгладимый след в судьбе друг друга. Двух людей умеющих любить и умеющих жертвовать своей любовью. От этих невеселых мыслей Вадима отвлек шорох за спиной. Оглянувшись, он увидел неподалеку от скамейки маленькое, лохматое, тихо поскуливающее существо. Оно приветливо повивало хвостиком, не решаясь подойти ближе.

– Ну, что потерялся бедолага? Или тебя тоже бросили? Иди сюда скорее.

Щенок весело оскалится, показывая розовый язык и смешно виляя всем телом, приблизился к Вадиму.

– Ну, что псина замер? Голодный, небось?

Вадим взял на руки щенка и тот, повизгивая, попытался лизнуть его в лицо.

– И чей же ты будешь? Каких кровей, мастей? Дворянства – хороший пёс! Я тоже безродный. Давай дружить. Ты тоже, наверное, кому-то надоел или вел себя неправильно. Ну, хватит лизаться, пойдём-ка, брат, домой. Вдвоём будет жить веселее.

Вадим отпустил щенка на землю и пошел по аллее к выходу из парка. Щенок, почувствовав в нём друга и хозяина, весело засеменил рядом. Снизу вверх заглядывая ему в лицо. Преданно как это умеют только собаки. Сердце не должно быть пустым, оно обязательно должно быть заполнено любовью и состраданием.

Кумертау 2005 – 2011 г.

КОСТЁР НА БЕРЕГУ

Июльский день клонился к закату. Летний тёплый ветерок рябил воду мелкой волной, весело перебирая камыши, склонившиеся у берега небольшого лесного озера. Солнце заканчивало свою дневную работу, свесившись через верхушки вековых елей, готовилось ко сну.

У дальних камышей виднелась надувная рыбацкая лодка двухместка. В лодке сидели с удочками двое мужчин, сосредоточенно следивших за покачивающимися на волнах поплавками.

Один из них молодой совсем мальчишка в бейсболке с козырьком назад. Второй был пожилой мужчина с седой окладистой бородой, одетый в брезентовую штормовку. Старый рыбак негромко произнес:

– Баста, Колька, клева уже не будет, мотай удочки.

– Ну, дед, давай ещё немного порыбалим, – жалобно, но уже басовито ныл Колька в ответ.

– Нечего время терять, вишь солнце как садится? Завтра ветрено будет, рыба спать пошла, в ямы, – сердито, но мягко отреагировал на нытье Кольки дед.

– Ну, право! Егорыч! С тобой только свяжись. Ведь так классно клевало.

– Давай, Колька, не гунди. Засветло цербу сварганим и на боковую. Завтра с утра я тебе такой клёв обеспечу, век Егорыча будешь вспоминать добрым словом.

Колька нехотя потянул леску, еще надеясь на последнюю поклевку.

Егорович, так звали старшего мужчину, помолодецки работая веслами, погреб к берегу. Колька ещё что-то бубнил про себя, но вздохнув, стал помогать Егоровичу, смешно «по-собачьи» грести воду руками.

Эти двое мужчин один юноша, другой старик не были родственниками, но между ними чувствовалась крепкая мужская дружба, что называется на равных.

Колька первым, ловкой обезьянкой выскочил из лодки и вытянул её за бечевку с сидящим в ней Егоровичем на илистый берег. Старый рыбак осанисто, не спеша, вышел из лодки на берег. Взвалил её на плечо, и они не торопясь, пошли в сторону палатки, стоящей на высоком берегу под елями.

— Ну, Колька, дуй за хворостом, и котелок ополосни, а я пока рыбой займусь, — пробасил Егорович, скидывая с широченных плеч выдающуюся вида штормовку.

Без штормовки Егорович выглядел даже спортивно. Хотя угадывались в его фигуре непростые годы в его жизни. Слегка припадая на левую ногу и, потирая левое предплечье, произнес как бы оправдываясь:

— Сидели долго, аж затекло всё.

Он хитро шурился в Колькину сторону, который явно не спешил выполнять данное ему распоряжение.

Меж тем Егорович из садка, в котором серебром поблескивал улов, достал несколько мелких и одну крупную рыбку. Ловко орудуя ножом, он живо распотрошил их тут же на бревнах, которые служили не одному поколению рыбаков. Колька-соия тащил к кострищу большую охапку хвороста, которого после половодья в окрестностях было предостаточно. Через несколько минут весело запылал костёр, вычерчивая своими языками в вечернем воздухе замысловатые знаки.

— Дед, я в палатке спать не буду. Можно? Я на воле хочу, у костра. —

утвердил своё решение Колька, подкидывая хворост в костёр.

— Да ложись где хочешь, смотри места сколько. Комаров-то не боишься? Засядят.

— А их у костра не бывает, дед.

— Ну, ну, — усмехнулся в бороду Егорович.

— А у меня мазь есть от комаров. Хочешь, дед, и тебе дам.

Старый рыбак только улыбнулся на такой порыв Кольки.

— Да я, Николай, комаров уже давно перестал интересоваться. Экологически вредный я для них продукт. А ты молодой, свеженький! Вот они тобой и поживятся, — шутил дед.

Колька прыснул:

— Ну, Егорович ты даёшь, какой же ты продукт. Ты же у нас флотский дед, ракушками, небось, оброс. Поэтому тебя комары и не прокусывают. Носы ломают о твои ракушки. Так что я их не боюсь безносых-то.

Колька загоготал, довольный своей шуткой.

Егорович помешал уху ложкой привязанной к обструганному прутку. Достал из костра дымящуюся головешку и быстро сунул её в исходящий паром котелок с ухой. Тут же достал её и осмотрев опять аккуратно положил в костер. Из висевшей у него на поясе солдатской фляжки плеснул в уху, находящуюся в ней жидкость. Туда же в котелок!? Колька заворожённо и восхищённо наблюдал за Егоровичем, как тот колдовал над ухой.

Рыба с побелевшими глазами, то ли от этих процедур, то ли ещё от чего, совсем не разварилась и аккуратно легла в большую миску. Миска была торжественно водружена Егоровичем на середину рыбацкого стола.

Егорович, зачерпывая уху из котелка деревянной ложкой, спросил Кольку:

— Николай, тебе как погуше или юшечки пожиже?
— Давай Егорович, со дна пожиже.
— Соображаешь, юнга, не пропадешь на флоте и в жизни тоже не должен пропасть с такими запросами.
Уха аппетитно парила в чашках, наваристо поблёскивая при свете костра.

Егорович, почему-то смущенно глядя на Кольку, произнес:

— Тебе, Николай, ещё рано, а мне в самый раз, для аппетита, — и немного отхлебнул из заветной фляжки.

— Чё рано-то? Чё рано? Как рыбалить так вместе, а тут рано.

— Успеешь ещё Николай. Всё успеешь. Ешь, давай, сил набирайся.

Колька пробурчал и сердито покосился из-под бейсболки на Егоровича.

— Да я так водку никогда не возьму её в рот. Беды только от неё.

— Правильно, Николай, это у нас ИЗ — неприкосновенный запас, значит. Вдруг промокнем, замёрзнем или ещё чего, а растереться нечем.

Но Колька его уже не слушал, а ел, со свойственной юности аппетитом уминал за обе щеки пахнущую дымком наваристую уху, откусывая от большой горбушки хлеб.

— Дед, добавка будет?

— Ну а как же, полкотелка ещё осталось. Навались, юнга, капитаном будешь, — довольный бас Егоровича рокотал над костром.

Костёр весело потрескивал и пофыркивал, как бы от удовольствия, которое он доставил рыбакам своим теплом, уютом и сытным ужином. Приветствуя рыбаков, он салютовал им снопами искр в ночное звёздное небо.

Насытившись, Колька, довольно поглаживая живот и шурясь на костёр, повалился тут же, рядом.

— Ну, Егорович, вот это уха, так уха! Ей Богу, мамка так не умеет готовить.

Мать Николая воспитывала сына без отца, Колькин отец давно помер, опившись какой-то дурью во времена «сухого» закона. Мать тянулась из всех сил, чтобы у Кольки было все не хуже, чем у других. Поэтому в свои неполные сорок лет выглядела, намного старше. А жили они с Егоровичем по соседству, который вот уже как три года, овдовел. Оставшись один, он перестал особо следить за собой. Отпустил зачем-то бороду, которая надо сказать очень шла к его лицу, по-мужски грубому, но с правильными чертами.

Голубые, по-юношески зоркие глаза, еще трогали и волновали женские сердца. Он это чувствовал, но никогда не пользовался этим вниманием. Рыбалка стала его главным увлечением. Здесь, на озерах ему легко было переносить одиночество.

Дети были, сын и дочь. Они жили своими семьями, особо его не опекали. Хотя, по правде сказать, иногда забегали попроведывать старого отца. Дочка стирала и немного прибиралась в его однокомнатной квартире. Собирались они в основном все вместе в дни памяти матери, да в День Военно-морского флота. Они уважали память отца к его прошлому.

Соседский пацан Колька как-то сам приблизился к нему, детской душой почувствовав в этом большом бородатом старике доброе сердце. Да и сам Егорович привязался к шустрому не по годам рассудительному мальчишке, которому не доставало отцовской заботы и тепла.

Колька, глядя в ночное звёздное небо, скрывая смущение, спросил:

— Егорыч, а что такое счастье? Вот в книжках это разное пишут, по телику в мамкиных сериалах про любовь одно и тоже. А я дак больше люблю про «ментов» и «убойную силу» по телику смотреть. А ты смотришь сериалы? А дел?

Егорович пошевелил палкой костёр и тот, выпустив сноп искр к звёздному небу, ярко осветил поляну, на которой расположились рыбаки. Зачем-то достал из костра небольшой уголёк, положил его на большую мозолистую ладонь. Легонько подул на него. Тёмный уже почти потухший уголёк, сверкнул изнутри тёплым живым светом и ожил, не обжигая загоревшую ладонь.

Егорович, задумчиво глядя на этот сверкающий алым цветом уголёк, ответил:

— Вот, Колька, смотри, уголёк-то почти потух, а дай ему человеческого тепла и заботы, и он опять оживёт, обрадуется. Мне давно один человек сказал, что счастье это как уголёк, который не может согреть и гореть вечно, а рано или поздно превратится в пепел. Стряхни его с ладони, развеет по ветру, вот и всё... и следа не осталось. Но не прав был этот человек, Николай. Я это позднее понял...

Он немного помолчал и продолжил:

— Вот, смотри, уголёк-то всё же оставил след. Видишь вот, вместо уголька волдырь. Обжёт все-таки. Это что значит? Что всё же память уголёк о себе оставил, хоть и потух. Так и в жизни, Николай, за любовь и счастье приходится платить, иногда болью. Но ладонь быстро заживёт. Сейчас листик берёзовый приложу, и завтра и следа не будет, только шкурка сойдёт. А вот в сердце, если уго-

лёк счастья след оставит, это до конца жизни будет болеть. — Егорович замолчал. Склонил кудрятую голову к мощным рукам.

Колька вздохнул, перевернулся на спину и стал глядеть в ночное небо.

— Егорыч, глянь, сколько звёзд-то в небе! Не сосчитать. Да всё близко так.

— Это только в июле такое небо, середина лета значит Николай. Вёдро.

— А вот звезда упала. Правда говорят Егорыч, что это чья-то душа отошла?

— Не знаю, Николай, наука говорит, что это метеориты сгорают в земной атмосфере... А может и чья-то душа отошла. Подняв глаза к небу, Егорович тяжело вздохнул.

Николай, засыпая, сквозь дым костра видел как седой рыбак, попыхивая своей трубкой, молча, глядел в сторону озера.

Старый рыбак достал из нагрудного кармана трубку и стал сосредоточенно набивать её табаком. Опять достал уголёк из костра, раскурил трубку, а уголёк бережно опустил снова в костёр.

Он вспоминал... Сквозь ветви елей ему угадывалось её лицо, милая улыбка и родные ласковые глаза. Он чувствовал, что его уголёк счастья ещё живой и греет его душу. Он берёт его в своем сердце....

Со стороны озера изредка раздавались всплески. Рыба гуляла. В лесу ухала ночная охотница — сова. На востоке начинало алеть. Коротка июльская ночь.

Егорович встал, накрыл сладко посапывающего Кольку своей штормовкой и спустился к воде. Не спалось.

Эх, Колька, Колька! Разбередил душу! Ничего парень, будет и в твоей жизни уголёк счастья. Найти его трудно, а сберечь ещё труднее.

Над озером уже начинал клубиться паром утренний туман. Пахло хвоей, свежестью и скорым рыбацким счастьем.

Старый моряк усмехнулся своим мыслям. Бросив в лодку снасти и спустив её на воду, погреб к дальним камышам, без всплесков отталкиваясь от упругой воды веслами.

— Спи, Колька, пока молодой, пока спится тебе. И пусть никогда не мешают тебе спать мысли о прошлом, утерянном счастье.

ЯБЛОНЯ

Эту яблоню-двулетку посадил отец Виктора в год, когда он проводил сына в армию. За три года службы на Балтийском флоте яблонька окрепла и весной, в дембельский год моряка, расцвела первоцветом. Заневестилась белыми бутонами с розовой каемочкой по краям нежных лепестков.

По правилам садоводства первый яблоневый цвет нужно было бы оборвать, чтобы дать возможность яблоньке войти в полную плодоносящую силу. Но садовод, отец Виктора, решил, что надо оставить хоть немного цвета, чтобы убедиться, хороши ли будут яблоки с этой яблони. Да и Виктору будет приятно, что яблонька, посаженная в его честь, дождалась его и принесла первый урожай.

Лето прошло в трудах и заботах незаметно. Яблоки, а их осталось на яблоне не больше десятка, наливались и хорошели, радуя глаз. К концу сентября крупные с кулак яблоки, ровные, один к одному, висели яркими желто-белыми фонариками в еще зеленеющей кроне яблони.

Сорт яблони, когда её выбирали в питомнике, был обозначен на бирке как «Уральская наливная». А оказалось, что это «Антоновка». Наша российская «Антоновка», радующая своими ароматными сочными яблоками еще наших предков. Этот сорт яблок хорошо сохранялся почти всю зиму. Годились и в пироги, и в варенье, и в компоты. А моченые антоновские яблоки, заложенные в квашеную капусту, не поддаются описанию. Это, своего рода, наш старорусский «бренд», как сейчас говорят о признанном товаре или продукте. Капустный ядреный рассол с мочеными яблоками – первейшее народное средство от похмелья, опробованное столетиями. Попробуйте и убедитесь сами. Нет ничего лучше и эффективнее от этой хвори.

Возвращение Виктора домой семья отмечала в кругу родных, близких и друзей за празднично накрытым столом. Отец с нескрываемым удовольствием и гордостью выставил на середину стола большую вазу, в которой наливными боками красовались антоновские яблоки.

— Ну вот, сын, дождался тебя первый урожай с твоей яблони.

За окном свирепствовал декабрьский мороз, разрисовывая окна волшебными зимними узорами. Старался скалочной росписью затмить красоту ушедшего тепла.

— Ну, батя, вот это подарок! А запах-то какой, летом пахнет! Видно, что вы с мамой крепко трудились, что такой урожай вырастили.

На столе и вправду было все приготовлено из домашних припасов. Чего стоили мамины пироги, приготовленные по случаю возвращения сыночка. Никто другой не готовил такую выпечку пышную, ароматную, а вкусную! Почему у нее все так замечательно получается?.. Родственникам и соседям она скромно отвечала:

— Да никакого секрета здесь нет. Просто не нужно спешить, суетиться, а делать все с душой и молитвой. Вот и весь секрет.

В тот же год Виктор на новогоднем балу в городском Доме культуры встретил свою будущую жену. Эту девушку он заметил ещё в школьные годы. Они с дворовыми друзьями гоняли на велосипедах по городу. Но эта девчонка с длинными черными косами всегда обставляла их на своем велосипеде далеко позади. Оглянувшись и показывая мальчишкам язык, она всегда скрывалась из виду в каком-нибудь проулке или проходном дворе.

Через неделю после их знакомства он пригласил её к себе домой. Родители в это время были на работе. Первый, кому Виктор представил девушку, был его дед, приехавший погостить к сыну, да демобилизованного внука повидать. У деда и внука была крепкая дружба и особая привязанность друг к другу. А называли его в семье по-старинному «тятей». Это дед-тятя приучал внука с детства к нелёгкому крестьянскому труду. Уже в двенадцатилетнем возрасте, смастерив внуку маленькую косу, ставил его впереди себя на покосе. Обучал косить его по мягкой траве: как держать косу, как прижимать её к земле, чтобы покос был чистым, а носок косы не впивался то и дело в землю. Многому научил дед внука. Качать мёд, натягивать вошину на рамки, пилить и колоть дрова. Дед был немногословен и не особо щедрым на похвалы. Один раз только сказал своему сыну:

— Выйдет из парня толк. Да и силёнка в нём нашей породы заложена.

Каждое лето, проведённое в деревне у деда, запомнилось Виктору не только каждодневным трудом, но и вкусными шаньгами, приготовленными бабушкой к завтраку, рыбалкой на озерах, набегами на сады с деревенскими

друзьями, совершаемыми ради спортивного интереса. Это была пора детства и взросления.

Будущая невеста понравилась деду. Вечером за ужином, весело поглядывая на сына и сноху, отложив ложку, сказал:

— Ну, значит, так дети, готовьтесь к свадьбе. Виктор сегодня невесту приводил и яблоками угощал. Хороша девка. Подходящая пара нашему парню будет...

Родители недоуменно переглянулись.

— Да ведь учиться ему надо. Он же в институт собрался поступать. Рано ему семью заводить. Да и не погулял он ещё после армии, — пытались возражать родители.

— А я говорю, свадьба у вас в этом году будет. Меня не проведёшь. Так что готовьтесь, — пробасил на возражение снохи дед.

— Ну а ты, сынок, чего молчишь? Шутит, поди, дед? — встревожилась мать.

— Так, ведь я уже говорил, что о свадьбе пока не думаю. Вот сначала в институт поступлю, а там видно будет. А девушка мне и вправду нравится. Хорошая она, студентка, учится ещё.

На этом разговор за столом о будущем Виктора закончился.

Но дед всё ещё хитро усмехался в усы, поглядывая на внука и его родителей.

Как и предрекал дед, свадьба состоялась именно в этом же году, осенью.

Виктор устроился на работу по своей флотской специальности машинистом на электростанцию. Поступил в институт на заочное отделение. Дед на свадьбу приехать не смог, болел: сказались фронтовые ранения и контузии, да и возраст был преклонный.

Шло время, сад рос, росла и семья, вскоре у молодых родился сын, а потом и лапочка-дочка.

Яблоня из года в год приносила обильный урожай антоновских яблок. У отца в саду, а он был знатный и умелый садовод, были и другие сорта яблок: грушовка, терентьевка; сливы, вишня, груша и много разных диковинных сортов деревьев и кустарников. Рос даже и грецкий орех, но он не выдерживал местных морозов. Подмерзал ежегодно, по весне вновь возрождался молодыми побегами. Но отец упорно дожидался от него плодов, надеясь, что он каким-то образом сможет акклиматизироваться в северных широтах и привыкнет к уральским морозам. Почему-то так повелось в этой семье, что у каждого было своё любимое дерево. Отец как-то особенно отмечал боровинку, каждый год приносящую некрупные, но очень вкусные яблочки с розовыми боками. Цвела она как-то необычно. Враз покрывалась белой фатой как невеста по весне. А если смотреть не нее со стороны, издали, то она казалась белым облачком, спустившимся на землю.

Мама, отменная огородница. Её огород, начиная от первых всходов редиса, зеленых огурцов, томатов, заканчивая особыми сортами перца и баклажанов, вызывал неподдельную, добрую зависть и восторг всех, кто бывал у неё в саду.

Она любила аркат, дающий ранние июльские медовые яблоки и грушу. Из груши она готовила компот, любимейшее лакомство семьи.

Отец с Виктором пристроили к садовому домику баньку, превратив свой участок из шести соток в настоящую загородную дачу. Жили весело и дружно, устраивая по субботам банные дни.

Сын Виктора, семилетний Антон, так же, как дед, стал заядлым любителем бани. Накануне выходных приставал к деду.

– Дед, а дед, а ты веники приготовил? Я с тобой пойду по первому пару, ладно?

– Ну конечно, Антоха, как же я без тебя обойдусь. Кто мой радикулит парить будет, если не ты, – весело отбивался от внука дед.

– Дед, а Маша с бабушкой и мамой пойдут?

– Ну конечно, мужики первые, а женщины уже потом, по легкому пару.

Маша, в отличие от Антона, баню не любила.

– Щиплет, щиплет глазки, – вопила она

– Папа, папа, – звала она на выручку отца, когда бабушка и мать купали и легонько гладили веничком это маленькое, белокурое чудо с пашными серо-голубыми глазами.

После бани был чай с малиновым вареньем за столом на небольшой веранде. Чай заваривался по особому рецепту с добавлением листьев мяты и смородины. Было после баньки и легкое домашнее вино из красной смородины. Вино отливало мягким рубиновым светом с мелкими пузырьками, искрящимися по стенкам бокала. Сладковатый запах берёзовых веников и душицы наполнял неповторимым ароматом вечерний летний вечер в загородном саду.

Шло время, сад рос, приносил радость от больших урожаев, давая и покой, и отдых от каждодневных забот семье. Требовал к себе постоянного внимания. Труд на земле в саду не был для них повинностью, давая не только материальный достаток к столу, но и особое состояние души и здоровья. Мама всегда говорила:

— Старанье и труд — все перетрут. Движение — это жизнь!

Однако время неумолимо приближало старшее поколение к старости и вечному покою.

Тихо ушёл из жизни земной сентябрьским вечером бабьего лета и учёбой. Виктор принялся строить дом в новом посёлке, где тятя. Старели родители Виктора, старел сад. Стали реже собираться всей семьей в саду. Молодежь ссылалась на занятость работой, и заложил вместе с отцом и уже взрослым сыном свой сад.

Беда в семью пришла неожиданно-негадано. Скоропостижно скончался отец, ещё не совсем стар годами, но носивший терпеливо в себе болезнь, следствие ранения и контузии с войны. Сад как бы чувствовал несчастье, пришедшее в семью. Придя в сад на девятый день, Виктор увидел боровнику, разломившуюся вдоль ствола. На земле лежали недозревшие упавшие с веток яблоки. Увядшие листья сломанной яблони слегка дрожали под теплым июльским ветерком. Виктор погладил изуродованное ненастьем или какими-то невероятными силами ствол яблони. В ответ на запоздалую ласку со сломанных веток, как слёзы, упали на землю несколько яблок...

Осенью при уборке сада под зиму сторела в костре боровника вместе с капустной, огуречной ботвой и опавшей листвой. Зола стала удобрением грядок нового урожая.

Мама как-то сникла и постарела, но по-прежнему хлопотала с ранней весны до поздней осени в саду, неизменно повторяя:

— Движение — это жизнь. Надо жить.

В саду на следующую весну от сгнившего под корень сломанного ствола яблони устремились к свету несколько свежих молодых, нежно-зеленых побегов, весело

перебирающих листочками на весеннем ветерке. Новая жизнь радовалась и торжествовала. По осени, выбрав самый стройный и крепкий побег, убрав лишнюю поросль, дали новой яблоне, выросшей из старого корня — имя «Боровника вторая».

Антоновка меж тем вошла в полную силу, догнала своих собратьев ростом и плодовитостью. Каждую осень она приносила хороший урожай крепких, хранившихся до весны яблок.

Но маминя груша все же оставалась главной и старейшей заложенной родителями Виктора много лет назад сада. Стараясь не отстать от своей молодой соседки, она обильно одаривала сочными терпкими уральскими грушами не только хозяев, но и их соседей.

Настало время, когда мать Виктора сказала сыну:

— Ну вот, сынок, я уже не могу так «клячить» в саду. Сила куда-то подевалась и голову обносит. Боюсь, упаду меж гряд и помру. И сад жалко, и дел у вас самих со стройкой хватает. Решай, чего делать с садом.

— Ладно, мать, ты уж не переживай так сильно. Найдутся хорошие люди, отладим им сад. А мне тоже не разорваться, да и молодежь наша не разбежится работать и сохранять сад. Не горюй, мама, решим, что делать с нашим садом.

Виктор к тому времени достраивал свой дом и обхаживал новый сад, по всем правилам, как его учил отец. К тому времени повальное увлечение горожан садоводством пошло на убыль. Молодым не очень хотелось копаться в земле, а пожилые люди уже не могли, как в молодости, отдавать силы и свободное время любимому занятию. В садовом обществе появились заброшенные сады, сиротливо заросшие бурьяном. Они стояли в запустении и ждали своей участи.

Несколько лет Виктор, как мог, поддерживал сад: по осени вырезал бурно разросшуюся поросль, а потом скашивал сорняки, набросившиеся на плодородную почву, которой недоставало человеческой заботы.

Сад, посаженный отцом и взращенный многолетним трудом семьи, терпеливо ждал перемен.

Зимы сменялись веснами, и заброшенные сады продолжали цвести, прикрывая бело-розовым покрывалом свои сухие ветки да не убранные с осени преюжные на земле опавшие листья.

Но в одну из весен все изменилось. В саду появились новые люди. Молодая, энергичная хозяйка смело взялась наводить порядок в заброшенном саду. Сад как будто помолодел, радуя округу обилием цвета яблонь, вишен, калины. Появились цветники с желтыми и алыми тюльпанами и первоцветом нарциссов. Ну, а грядки под овощи новая хозяйка сада разбивала с таким же упоением и аккуратностью, как и мама Виктора...

Не дождалась мама в этом году медовых яблок арката и терпких ароматных груш. Она ушла тихо, неслышно перед рассветом июльского утра. Как и жила, стараясь никого не огорчать, не беспокоить. До последних дней хлопотала по дому с заботой о семье сына. Только последнюю неделю не вставала она с постели и стыдилась своей беспомощности. Осиротела семья. Пусто и тихо стало в родительском доме. Только с фотографий на Виктора внимательно смотрели глаза деда, строго вглядывался в сына молодой отец; добрым, нежным, ласковым светом смотрели на сына мамыны глаза.

Иногда, проезжая на машине мимо садов, он навещал родительский сад. Не было уже в нём его антоновки и маминой груши. Память снова возвращала его на это место в

детство, юность, взросление. Вспоминались наставления отца, как сажать дерево, и агрономические советы мамы.

– Почку на южную сторону надо, сынок, да лунку-то оставь пошире. Полнивай почаще, подрост сильнее будет. Как потопашешь, так и полопашешь, – слышался мамин голос.

Все осталось в прошлом. Только тихая радость поднималась в сердце Виктора. Он видел перед собой не заброшенный, погибающий в забвении, а помолодевший, ухоженный, с цветниками и дорожками сад, с аккуратными грядками овощей. Все радовало глаза.

– Земля в надёжных руках, – удовлетворенно подумал Виктор.

Это была лучшая живая память о его родителях.

«Боровинка вторая» уже стала взрослой яблонькой и приносила радость новым хозяевам своими небольшими кисло-сладкими, с розовыми боками, яблочками.

Калина всё так же буйно невестилась каждую весну белым цветом крупных соцветий. А осенью угощала зимующих в саду птиц.

КОНЦЕРТ В ЗАМЁРЗШЕМ ЗАЛЕ

В тот год февраль выдался особенно обильным на снегопады и ветра. Щедро засыпал он снегом небольшой городок южными циклонами и антициклонами. Вот уже вторую неделю он царствовал, предчувствуя приход марта и скорую весну. Недаром его в народе прозвали ветродуй.

Промозглый ветер забирался во все щели, как бы надеясь согреться в помещении актового зала старого здания интерната, стены и кровля которого терпеливо уже много лет ждали капитального ремонта.

Южный февральский ветер с косматыми вихрами метели остервенело, бился в большие окна здания, а они только тревожно дребезжали под его напором.

Несмотря на лихую погоду, в интернате ожидали приезда артистов с шефским концертом из местной музыкальной школы. Ансамбль народных музыкальных инструментов, который был знаменит и популярен в городе и не только в нём.

Завхоз интерната Николай Петрович, немолодой уже человек, был одет по погоде: в ватную телогрейку с укутанной шарфом шеей, вязаной спортивной шапке. Зябко поживаясь, он потрогал озябшей рукой батареи центрального отопления. Этот эксперимент прикосновением не придало ему оптимизма. Чугун батарей был слегка тёплым, даже, можно сказать, холодным. Казалось, ещё немного — и батареи замерзнут сами. Петрович подышал на озябшие пальцы, изо рта шёл пар.

— Однако не Сочи и не южный берег Крыма, — мрачно про себя пошутил завхоз.

Поднявшись в кабинет директора лицея-интерната, завхоз, покашливая в кулак, доложил:

— Холодно, однако, в зале-то, начальник. Может, отменим концерт? А? Не то заморозим мальчишек, — озабоченно произнёс завхоз.

Директор лицея-интерната молодой высокий, кареглазый брюнет, приветливо улыбаясь, встал из-за стола, глядя в утрюмое лицо Николая Петровича, весело произнес:

— Холодно, говоришь Петрович? А что же это ты зал не разогрел, старина?

— Так у нас всегда такая холодрыга в зале, особенно когда ветер с южной стороны дует, колотун, хоть собак морозь, хоть каток в зале заливай. Окна огромные, тепло

не держат, и стены продувает насквозь, — оправдывался завхоз.

— Утепляться Николай Петрович надо было по теплу, летом. Как там, в поговорке говорится «Сани готовь летом — телегу зимой». Бельмей? Понимаешь старина?

— Дак ведь?! — пытался оправдываться завхоз.

Но директор не дал ему договорить, сменив дружелюбный тон, строго проговорил:

— Ну ладно, достаточно объяснений. Отменять ничего не будем. Только сейчас звонили с музыкальной школы и просили за артистами послать транспорт. Давай, снаряжай за ними автобус. Да не забудь захватить в теплицу. Купи букет цветов для артистов. Да смотри не заморозь их по дороге.

— Кого? Цветы или артистов?

Но директор его уже не слушал. Звонил телефон.

Петрович ещё что-то пытался возражать, но директор уже не слушал его, а что-то торопливо записывал в раскрытом блокноте. Зазвонил телефон.

Завхоз, оглянувшись с порога, натягивая на седую шевелюру шапку, ворчал:

— Заморозите ребятшек. Пусть хоть в зал то в верхней одежде их запустят, теплее будет. Эх, молодежь! — не то с упреком нетто с сожалением вздохнул завхоз и вышел.

В столовой лицея-интерната заканчивался ужин. Сытые и веселые лиценсты шумно толпились у гардероба, одеваясь в куртки и шапки. Собираясь на концерт, радостно предвкушали праздник от встречи с артистами.

В это время в просторном, с зеркальными колонами фойе лицея появился Николай Петрович и музыканты со своими инструментами. Завхоз прижимал локтем, как веник перед походом в баню, сверток, завернутый в газету, в ко-

тором угадывался букет цветов. Он суетливо, как бы извиняясь за плохую погоду, приглашал гостей пройти в столовую и погреться с мороза чаем.

Музыканты, молодые преподаватели и учащиеся музыкальной школы приветливо улыбались столпившимся вокруг них мальчишкам-лиценстам. Те, радостно подталкивая друг друга, заглядывая в глаза музыкантам, интересовались:

– А это что за такая большая балалайка? Наверное, тяжеленная? Это контрабас? Да? Нет? А что? Ух ты вот это бандура...!!! – с восторгом восклицали детские голоса.

– А я знаю, это мандолина. Мой дед играет на такой же.

– А мой на гармошке умеет!

– А мой на курае!

– А моя бабушка на кубызе!

– А я..., а мой! – гомонили ребятишки вокруг артистов, которые слегка оторопели от такой бурной встречи. Ребят успокоил музыкальный руководитель лица, бывший выпускник этой школы. Он важно представился гостям и как бы невзначай сообщил:

– У нас в лицее есть свой ансамбль кураистов и даже преподается музыка. Почти все лиценсты получают навыки игры на курае.

Актный зал лица заполнялся гомоном юных зрителей. Воспитатели одергивали расшалившихся озорников, шумно занимающих места в зале. Музыканты в это время поднастраивали свои инструменты. Слышались переборы струн, глухой басовитый звук контрабаса, тоненько пропеда скрипка.

Все эти хаотичные звуки создавали предчувствие торжества, праздника.

Но вот все стихло. Зал замер в ожидании чуда. Музыканты, перелистывая ноты на стоящих перед ними пропитрах, удобно усаживались и внимательно смотрели на своего руководителя. В зале погас свет, только сцена обильно обливалась электрическим светом. Всё было готово к волшебству.

На середину сцены вышла нарядная женщина с красиво уложенной причёской и накинутым на плечи цветастым полушалком. Раздались аплодисменты. Подождя, когда в зале наступит тишина, она повела свой рассказ об ансамбле, истории его создания, о музыкальных произведениях, которые будут исполнены, и об их авторах. Она объявила первый музыкальный номер. Руководитель ансамбля, элегантный седой мужчина в черном фраке, поклонился залу, повернулся лицом к ансамблю. Откинув слегка голову назад и подняв руки, он кивнул головой, как бы приветствуя и благословляя музыкантов, резким взмахом руки вскрыл мощный фонтан чарующих звуков.

В мелодии слышались звуки журчащего лесного ручья, пение птиц, шелест листвы, падающих капель дождя и раскаты летней грозы.

От мелодии к мелодии, от одного музыкального произведения к другому в зале становилось все теплее. Мальчишки с восторгом хлопали не жалея своих ладоней после каждого выступления артистов.

Баянист виртуозно владел инструментом. Его пальцы молниеносно летали по клавишам и ладам баяна. Он вел за собой весь оркестр. Директор искусно управлял оркестром, подчиняя своей воле многоголосье народных инструментов и мастерство музыкантов.

В народных мелодиях, как в тканом полотне, нити смешаны радость и печаль, веселье и тревога, надежды, светлая грусть и нежность зарождающейся любви. Концерт продолжался, наполняя зал теплом и радостью.

Исполнительница русских романсов, стройная девушка в бархатном платье с искрящимися на нем блестками, пела так, что у Петровича даже взмок лоб. И ему стало жарко, то ли оттого, что ему стало жаль эту юную певицу с обнаженными плечами, исполняющую лиричные задушевные романсы в этом холоде, то ли от нахлынувших под влиянием музыки воспоминаний.

Вспомнился ему концертный зал в базовом матросском клубе. Он, тогда ещё совсем молодой курсант, первогодок военно-морского училища, впервые услышал живые голоса профессиональных певцов. С годами позднее, на гражданке, он некоторых исполнителей видел даже в телевизионных «Голубых огоньках». Да и сам он был любителем попеть в кругу друзей. Но голос, трогаящий за душу – нежный, лиричный – молодой певицы с вьющимися каштановыми локонами запомнился ему навсегда. И вот снова тот же образ, тот же голос, выражение глаз и наконец, фигура. Дежавю! Вспомнил слово, которое как раз подходило сейчас к его душевному состоянию. Как будто бы это было уже с ним когда-то, в прошлой жизни. Казалось, что уже всё забыто, но вдруг прошлое неожиданно всплывает настолько ярко, как будто бы это было только вчера.

Мир музыки, вдохновенное исполнение музыкальных произведений артистами, настолько растрогали Петровича, что он вскочил с места. Вместе с ним встал весь зал и бурными аплодисментами выразил восторг и благодарность артистам.

Концерт закончился, смолкли волшебные звуки и голоса. Под аплодисменты и громкие возгласы зрителей «Браво!» директор лицея вручил букет красных роз юной певице. Она, смущённо улыбаясь, приняла его, нежно касаясь губами бутонов цветов.

Концерт удался! Артистов провожала шумная ватага лиценстов до самого автобуса.

На улице было тихо и спокойно, ветер, как бы удовлетворённый впечатлением от концерта, затих.

Петрович остался в зале один. Он медленно прошёл по залу, поправляя ряды кресел, сдвинутые лиценстами. Улыбаясь своим мыслям, вполголоса пропел:

Я встретил Вас, и всё былое...

Удивительно! В зале стало намного теплее. То ли оттого, что стих ветер, то ли от дыхания юных зрителей, а может, от той душевной теплоты, которую принесла в замерший зал, музыка.

ВСТРЕЧА ШКОЛЬНЫХ ДРУЗЕЙ

Мы вновь у школьного порога, –
Сороковой наш юбилей,
К нему была длинна дорога,
И от того он нам милей.

Душа пять лет жила надеждой,
Волнение встречи затая.
Но собирается как прежде,
Вся наша дружная семья.

Когда-то мы с тобой сидели,
За партой крайней у окна.
Как быстро годы пролетели,
А класс наш помнится всегда.

Я вспоминаю всё сначала,
Десятый «Б» наш удалой.
Учительница – строгая такая,
И взгляд твой нежный голубой.

Звенела юность золотая,
Туман клубился над рекой.
Страна тогда была совсем другая,
Мы были счастливы с тобой.

Был выпуск, школьный бал последний,
Девчонка с толстою косой.
На фотографии весенней весь класс,
И ты мой друг... ещё живой.

Идут года, друзей теряем,
Уходят... смолкли голоса.
Их именами внуков называем,
Могилы навещаем иногда.

Что ж мы не требуем поруки,
У школьной юности былой.
Прими поклон седой учитель,
Душою мы всегда с тобой.

Пусть наши встречи, наша дружба,
Продлятся много, много лет.
Пусть наши души согревает,
Далёкой юности привет.

Опять девчонки и мальчишки,
Шестидесятых давних лет.
Листают желтые странички,
Храня в альбомах тёплый свет.

Пусть развели пути-дорожки,
Наш выпуск по стране родной.
И кудри-вихры поседели,
Но школа № 9, мы всегда с тобой.

Мой школьный друг со мною рядом,
За крайней партой у окна.
За ним опять звенит, ликует лето,
Даль лучезарна и ясна.

Июнь 2007 г.

Кумертау.

Литературно-художественное издание

Валерий САМОДЕЛКИН

ЗАРНИЦЫ

Ответственный за выпуск В. Самоделкин.
Верстка, дизайн З. Насырова.

Отпечатано в типографии ИП Ахмедов И. А.

Поправка к странице 80. Третий абзац сверху, следует читать:
«Тихо ушёл из жизни земной, сентябрьским вечером бабьего лета, тятя. Старели родители Виктора, старел сад. Стали реже собираться всей семьёй в саду. Молодёжь ссылалась на занятость работой и учёбой. Виктор приваялся строить дом в новом посёлке, где и заложил вместе с отцом и уже взрослым сыном свой сад».

